

Богумил Мурин

Владимир Титов

**ОДНА
НОГА
ЗДЕСЬ...**

КНИГА

ТРЕТЬЯ

художник - Константин Кунщиков

Владимир ТИТОВ

Одна нога здесь... Книга третья

«Издательские решения»

Титов В. В.

Одна нога здесь... Книга третья / В. В. Титов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906721-0

Долгий и опасный путь Яромилыча из Зибуней закончился. Перед ним — стольный град Синебугорск, где ему предстоит сразиться с самим Чернобогом — повелителем Преисподней.

ISBN 978-5-44-906721-0

© Титов В. В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	16
Записки Хатэтуримо	16
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	40
Записки Хатэтуримо	40
ГЛАВА 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Одна нога здесь...

Книга третья

Богумил Мурин
Владимир Владимирович Титов

Иллюстратор Константин Кунщиков

- © Богумил Мурин, 2019
- © Владимир Владимирович Титов, 2019
- © Константин Кунщиков, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-6721-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Пыльная жёлтая дорога, набитая аж в четыре колеи, широкая, свободно пропускающая три телеги в ряд, змеилась по бескрайним лугам, торопясь завершиться у основания великого города, словно припадая к его подножию. Движение по ней затихало лишь в глухую полночь, да и то, находились смельчаки, которым и полночный страх не указ. Заломят шапку набекрень и знай нахлестывают каурку, а та несётся, прижимая уши и зажмурив от ужаса глаза. Ну а днем здесь было просто не протолкнуться, столько всевозможного люду идет и едет, что диву лишь даешься, откуда народу на земле взялось в этакое изобилии!

Везут в стольный град и из него цельные горы товара разного – от дров и сала, до золота и слоновьей кости. Вот катят низкие сенные подводы-развалюшки, а меж них ловко торопятся лёгкие изящные брички, везущие знатных седоков. Вот грохочут, подпрыгивая на каждой колдобине, тяжелогружённые телеги, влекомые шестёркой коней. Селяне на своих неказистых возках везут снедь горожанам. О! А это что за диво такое проехало?! Колёса чуть ли не с избу высотой, а тащит повозку щуплый длинноухий конёк-горбунок, погоняемый смуглым арабийским мальчуганом! Старик, плетущийся по обочине изумленно глянул на чудесную повозку.

– Чито, дэдошка, шайтан-арба никогда нэ выдел, да? – сверкнул зубами паренёк. На шайтан-арбе весело, словно мячи, подпрыгивали какие-то невиданные овощи в зелено-черную полоску.

Дед переждал, когда осядут клубы пыли, качая головой, словно хотел сказать: «Понапридумывали, понимаешь...», и двинулся дальше. Иные из возниц, бывало, придерживали коней, приглашая старика садится, но тот всегда отказывался. Вот и на этот раз чуть проехав вперед, вислоусый дядечка в круглой соломенной шляпе, ярко сияющей на солнце, остановил свою телегу, поджидая старика. Жена его, на голову выше мужичка, чернобровая, вся какая-то колючая, угловатая, принялась немилосердно пихать мужа в бок острым локтём и шипеть:

– С ума сошёл, всяких побродяжек подбирать! Он, может, заразный какой!

– Молчи, дура-баба, – беззлобно отвечал возница. – У меня дед такой же был, от родни возвращался по зиме, а его ни одна сволочь не подбросила до дому, вот он и замерз в пути...

– Ну не он заразный, так шавка его! Вон, видишь, он с собакой, – продолжала кипятиться жена.

Но мужичек, более её не слушая, широко улыбнулся подошедшему старику, и указал рукой на повозку:

– Садись, дедуля, с ветерком подвезем!

Старик, словно зная, что чуть не стал причиной крупной семейной ссоры, отказался:

– Да не, спасибо, сынок, мы с Жучкой сами уж как-нибудь. Дойдём.

Горько вздохнув и подкрутив ус, дядечка, тронул вожжами, сердито поглядывая на гордо подбоченившуюся вторую половину.

Дорога вилась дальше, то ныряя в низинки, то выезжая на небольшие взгорья. По пути старику встретился мост через речку Непойдёнку. Тут надо сказать, что название у неё не случайное, про то есть предание стародавнее. Впрочем, прежде отметить следует, что дальше, в верстах трех и пяти соответственно, дорога пересекает ещё две реки – Воркню и Воблю. А было, значит, так. Некогда собрался знаменитый князь Словен, живший ой как давно, на битву с пузыряками – злым степным народцем. И вот не заладился поход с первой же реки. Конь вместе со своим седоком на всем скаку влетел в воду, и князь выругался. Вот отсюда и пошло название Вобля¹ – целиком-то княжье изречение никто не запомнил. Ну, ничего, конь вылез, отряхнулся, помчался дальше. Но на следующей речке ещё хуже вышло: поплыл конь

¹ Эта речка, чтоб вы знали и не гневались, и в самом деле существует. В Московской области.

(мостов на ту пору здесь не имелось, а брод был много левее) да и затонул. Словен насилу спасся. В сердцах так реку и прозвал «Вор коня». «Воркня» потом получилось. Поскольку он не единожды говорил своим воинам, что тот, кто потерял своего коня обязан идти воевать пешком, то так сам и поступил. Добраться князь смог только до ближайшей реки. Это и была Непойдёнка. Здесь он уселся на землю и объявил своему войску:

– Всё, ну их к бесам, этих пузырьки. В другой раз их села и нивы за дерзкий набег подвергнем мечам и пожарам. Дальше не пойду!

Отсюда и повелось у реки новое название.

Пузыряки, рассказывают, потом долго гордились тем сорвавшимся походом, утверждая, что это было дело рук их степняцкого волхва – кама². Но дело, это и ежику понятно, было совсем в другом. Возьмите, да как-нибудь из простого любопытства подсчитайте, сколько на себе тащил Словен. Кольчуга, шлем, щит, два копья, булава, меч, наручи, поножи, пояс богатырский. На сколько пудов тянет? Вот то-то же! Так что про кама своего им бы лучше помолчать, пузырькам этим.

Когда уже и Вобля осталась далеко позади, дед взобрался на высокий холм, одинокой кручей воздымавшийся посреди поля. Может то был курган какого-нибудь древнего волота-богатыря, а может и просто родинка на обильном теле Матери-Сырой Земли, кто знает! Но с холма открывался такой дивный вид на древнюю столицу! На великий град Синебугорск! Он раскрывался весь от края до края, как на ладони, просматриваясь во всей своей красе, снежно белея узкими ломкими лентами стен, прерванными столбиками множества крепостных башен, казавшимися отсюда хрупкими игрушками. В чернеющие в них проемы бесконечным потоком текли люди, повозки, целые стада скота. Посередь города гордо высилась островерхая крыша княжьего терема, блистая на солнце медным кованым листом, а по бокам оттеняла её черепица многих богатых Боговых храмов. Красотища, прямо хоть сейчас на картинку!

Синебугорск! Город великий, могучий! Город знатный, известный на весь белый свет. Город, где окопалось Зло...

Яромилыч ласково потрепал лохматую шкурку вертевшейся под ногами живности, и молвил:

– Вот и всё, Жуча, дошли!

Скамеечка, для того, чтобы не привлекать ненужного внимания, была укутана в неопределённого происхождения серый свалывшийся мех, с тремя завязками на пузе. Маленький хвостик и клубок вместо головы, должны были, по задумке старика, придать Жучке большее сходство с собакой. Сейчас она радостно вертела своим обрубок, то и дело путая голову с хвостом.

На подходе к воротам в Южной башне, прежде чем влиться в общий безликий поток желающих прямо сейчас и немедленно прорваться в город, дед привязал скамеечку на веревку, чтобы та не потерялась. Игрушечные башни выросли теперь до просто невероятных размеров, чтобы поглядеть на их макушки нужно было весьма сильно откинуть голову назад, рискуя потерять шапку. Они грозно нависали над копошащимся внизу народом, невольно заставляя задуматься о том, а люди ли воздвигли это?

На въезде в город лютовали стражники, устраивая повальный досмотр. Впрочем, это касалось лишь тех, кто что-либо вез или нёс в город, деда же, шедшего с пустыми руками, пропустили беспрепятственно. Точнее сказать, почти беспрепятственно. Только он бочком-бочком протиснулся мимо толстого мужика, надолго застрявшего с досмотром его изрядной поклажи, и порадовался, что так успешно миновал взятколюбивую стражу, как его окликнули и вежливо похлопали по плечу:

– Младший дружинник Всеволод. Въездной досмотр! Что везём на продажу? – Нахально ухмыляясь перед дедом возник молоденький сытый стражник в щегольском облачении.

² Шаман.

– Ничего.

– А собака? За собаку три гривны. – Требовательно протянутая рука нетерпеливо перебрала пальцами, показывая, что это не шутка.

– Это мой поводырь! Вот, нарочно на веревке держу. – В доказательство старик помахал перед носом у хлыща концом веревочного поводка.

– Да... Кхм... Это... Ну, тогда, ладно... – Протянутая рука неловко провисла в воздухе, глаза же уже блудливо бегали, выискивая новую жертву, из тех, что надеялся незамеченными проскочить досмотр.

Дед поближе перехватил поводок и вышел из ворот в стольный град. Синебугорск поража! «Огромный» – это не то слово! Бесконечно огромный! Конца-края не видать! А какие дома! Сказка, а не дома! Улицы каменные, дома каменные, мосты – и те каменные! И везде люди!словно огромная ярмарка начиналась прямо за воротами. Город непрерывно кипел, мельтешил красками, шевелился, словно нечто живое, и гомонил, гомонил, гомонил! Улицы, улочки, переулки и перекрестки бурлили людскими потоками. Торговали, казалось, все, всем и всюду, даже из окон близлежащих домов и прямо с порогов. Говоры всех краёв Славии сливались здесь воедино, перемежаемые десятком самых различных языков.

Вот спорил мужичок из далёкого Комарьева, налегая на протяжное «о»:

– Отож у тебе и давеча-то молоко прокисшее было, и нонеча тоже нехорошее!

– Отодзь, пан, мое млеко енсть добже, – степенно отвечал вислоусый полянин. – Не мешай гандлевач³.

– А твая авца авёс есци буде? – деловито выпрашивает живенький дяденька, обладатель солидного брюшка и соломенной шляпы. – Кали не, так я пайдзу яшче пошукаю!

– Иды, иды, – ворчит ему вслед сурожанин, черноволосый, как головешка. – Пошукай, може цапа будзь-якого⁴ прикупышь!

– У мяне вчяра, слышь, какой-та парянёх с пад носу свячу украл, качяргу яму у зуби! – жаловалась какая-то бабка из Рыжгорода, торговавшая воском и свечами, своей соседке слева, укутанной в цветастую шаль.

– Это цто! У Благуши поцти чельый краюх хлебча уворовали, церти цумазые! – бойко отозвалась та, выдавая в себе уроженку северных лесов.

Загадочно улыбаясь, сновали вездесущие сыны страны Хань, малорослые, желтолицые и с раскосыми хитрыми глазами. Изредка попадались очень похожие на них, но совершенно белокожие бермяки, невзирая на теплые осенние деньки, облачённые в меховые дохи. Смуглые орабийцы, точно такие же, как тот мальчишка на шайтан-арбе, укутанные в простынки и с полотенцами на головах, бойко торговали диковинными овощами. Здесь можно было увидеть даже гиндусов, почти черных, гибких, с острыми бородами и влажно поблескивающими глазами. Этими самыми глазами иные из них, что сидели, свернув ноги кренделем, прямо у стен, тарасились что есть мочи себе на пупок и что-то невнятно мычали. Двое гиндусских ловкачей сумели даже оторваться от земли, слегка, правда, пальца на два, но всё же! Старик на всякий случай провел под ними палкой – точно ли взлетели? – и изумленно покачал головой: «Умельцы!».

Пока он, взяв Жучку на руки, протискивался сквозь толпу на более спокойную улочку, ему раз пятьдесят успели предложить что-нибудь купить. Некоторые вещицы и впрямь были заманчивыми: резная чесалка для спины, теплые вязаные носки из шерсти ханьского медведя панды, хитрое устройство для приготовления народного ханьского напитка «цай», довольно страшное, гиндусской работы, изображение Богини Мары – голой и, из-за обилия рук, похожей на паука. В каждой конечности Хозяйка Смерти держала какой-нибудь смертоносный предмет:

³ Торговать (поль.).

⁴ Козла какого-нибудь (укр.).

меч, серп, петлю. Старик как-то даже слегка обиделся, когда в последней руке, девятнадцатой или двадцатой по счету, узрел деревянную культу. «Ну, знаете ли!» – вспыхнул он, отпихивая от себя поделку.

Один ханец прямо повис на старике, что-то насильно всовывая ему в руку, а когда тот брал, то желтолицый человечек тут же называл цену своего товара. Дед отдавал предмет назад, и снова получал его в руки. Разозлившись в конце-концов, он спросил настырного продавца:

– Да что это за хреновина, черт тебя подери?

– Ета? – хитро блеснув своими узкими глазами, сказал ханец, разворачивая тряпицу, что скрывала вещь. – Ета красная корень!

Корень был вовсе не красный, а желтовато-бледный, поразительно похожий на уродливого человечка, жившего исключительно под землей, и питавшегося там личинками жуков. Видя, что возможный покупатель не понимает, о чем идет речь, ханец пустился в разъяснения:

– Красная корень! Если будешь его *кусать*, зену осень сильно-сильно удивлять будешь. Любить её целая нось будешь! Осень карасо!

– Да ты прежде на мои седины посмотрел бы, охальник! Какая «зена»?! – возопил дед, норовя достать обидчика палкой по спине, но тот юркнул в толпу и исчез.

– А вот жэнский сумачка ыз каркадыльей кожи! Настоящий каркадыл! Пакупай!

– Беляши! Горячие беляши!

– Ва! Отойды дюра, выдышь, чилавэк кожу каркадылью нухаэт! Пакупат хочэт!

– Это он беляши мои вкусные нюхает! А твой кыркадил вчера ещё по дворам бегал и гавкал!

– Вкюсные?! Да в них как раз тот самый и напыхан, каторий па дварам гавкал, да?!

Воспользовавшись их ссорой, старик ухитрился улизнуть от обоих. Помимо всего прочего ему пытались продать ручную крысу со смешным именем Опоссум («Можете даже не рассказывать мне, что она умеет лучше всего!» – сказал старик), дали попробовать алой мякоти, которая скрывалась под зелено-чёрной шкурой орабийского овоща, примерили на него песцовую шубу, пахшую, почему-то, квашеной капустой. Шуба, впрочем, предлагалась не ему, а тщедушному мужичонке, покупки за которого делала его жена, тётка, не в пример мужичку, дородная во всех смыслах этого слова. Чтобы и мужичок смог увидеть, как хорошо шуба на нём сидит, её следовало показать на ком-нибудь ещё. Поскольку старик как раз протискивался мимо, он тут же был вовлечён в дело покупки теплой одежды для мужичка. Полой шубы Жучку накрыло целиком, и будь она настоящим животным, то, наверное, сразу же задохнулась бы от духоты. Деда заставили поворотиться и так, и этак, присесть, спросили: «Не жмёт ли?». Мужичок придиричиво щупал швы, рассматривал изнанку, пробовал мех на зуб, даже поджег его в одном месте, чтобы убедиться, что песец настоящий. Старик уже спарился в песце, а мужичок уже почти согласился на его приобретение, когда дородная тётка, узрев у соседнего продавца шубу из лисы, бросилась в ту сторону, увлекая за собой и тело тщедушного мужа. Старик отказался покупать шубу, сославшись на то, что ему всё-таки жмёт вот тут и ещё там, а предложение тут же при нём её перешить где-нибудь, с негодованием отверг.

Он еле отбил от попыток напоить его каким-то «кумысом», а от другого продавца, предлагавшего купить нечто, под названием «хычин», старик отделался наивным вопросом:

– А что это?

Пораженный такой дремучестью, продавец немедленно отстал. Какой-то высоченного роста фрязин, богато разодетый, толстощёкий, с тупым коротким носом, бородавкой на лбу и дурацким пёрышком в шапке, узрев сидящую на руках старика Жучку, радостно взвыл, тыча в нее кургузым пальцем:

– Оу! Айн шён хунд... милый пьёсик! Вифель... сколько монет платить?

Жучка, по причине отсутствия пасти не имевшая возможности цапнуть наглеца, изловчилась и пребольно пнула его лапой по пальцу. Тот, коротко охнув, исчез в толпе, громко призывая какую-то Гретхен, для оказания ему немедленной помощи.

Здесь, в огромном городе, где Яромилыч никогда не бывал, имелось лишь одно известное ему место – постоянный двор некоего Ярыги, о котором когда-то – кажется, что это было Боги знают как давно! – поминал Грибан. Туда дед сейчас и стремился попасть, почему-то веря в то, что там он сможет сообразить, как быть дальше.

Покинув бойкие улицы, Яромилыч свернул на задворки, где было много спокойней. Тихо, уютно, словно он вернулся в родные Зибуня. Даже и воздух, как будто, почище! Возле длинного зелёного забора стайка мальчишек в возрасте примерно от восьми до двенадцати лет играла в городки. Один – *вода* – выкладывал в *городе* деревянные чурки, а другие пытались разбить их, бросая палки. О, что это были за палки! Каждый мальчуган гордился своей битой, крепкой, увесистой, выстроганной ножичком из березового сука. У некоторых на палках красовалась замысловатая перевить резьбы – не иначе как старшие братья помогли, а то и отцы трягнули стариной. Ручки в виде оскаленных звериных морд – медвежьих, волчьих, рысьих – должны были охоронить владельцев от завистливых взглядов соперников по игре. У других мальцов украшения были попроще: кто-то раскрасил свою битку в разные цвета, упирая в основном на красный, кто-то, вырезав узор на коре, обуглил палку в костре, и обшелушив её, получил красивую чёрно-белую расцветку. Хорошая надёжная бита, бывало, служила годами, переходя от брата к брату, пока самый младший из них её не разбивал неудачным броском о чей-нибудь забор. Тогда собирался суровый семейный совет, и косорукого охламона пропесочивали:

– Борька – старший брат, ей играл! Ярик с Валяйкой играли, даже Хорошка до тебя ей играл! А тебе токма вчера дали, так ты битку уже и попортил! И что с того, что трещина была?! Подумаешь, трещина! Перевязал бы веревкой! Стыдно? Стыдно, когда видно! Сломал битку, вот теперь иди и хорони её, остолоп!

И младший, волею случая оказавшийся крайним, покорно шёл в огород, рыл там ямку и под ехидные смешки старших братьёв, хоронил битку, сохраняя, согласно обычаю, печальное выражение на лице. Если он говорил что поперёк, спорил или смеялся в ответ, то палка немедленно откапывалась и пускалась плясать у него чуть пониже спины.

Старик засмотрелся на игру. Палки ввинчивались в воздух туго, с лёгким жужжанием, чурки, трескоча, разлетались в стороны деревянными брызгами. В *городе* мудрёные построения сменяли друг друга, с каждым разом становясь всё более замысловатой. Жучка, в которой всё больше пробуждалась игривая собачонка, дёргалась ловить летающие штуки, но хозяин строго запретил:

– Нельзя, Жуча!

Городки здесь, в Синебугорске, складывали иной раз не так, как это было у них в Зибунях, а те, что были привычны на вид, носили, как он слышал из криков играющих мальчишек, совсем другие названия. Но всё ж таки, это были те же самые старые добрые городки. Те же правила, такая же разметка на поле. Городки... Игра его детства...

И Яромилыч не удержался! Старику было боязно осрамиться перед малолетними игроками, но желание испытать свою руку и глазомер, оказалось сильнее. Оттерев с кона белобрысого головастого паренька, со словами: «Дай-ка и я попробую!», он метнул свою палочку в деревянное нагромождение и... Попал!!! Уф!

Мальцы, словно бывалые знатоки, одобрительно зацокали:

– Молодец, дед! Сильно!

– Прицельно!

– А ещё смогёшь?

– А чего не смочь? Пожалуй и ещё сдюжу, – кивнул Яромилыч.

Шустрый, остроухий малец сбегал, принёс ему палочку, а *вода* соорудил из чурочек «баню». «Баню» дед развалил щёгольски: сначала сшиб крышу, вторым ударом упразднил предбанник, третьим – вчистую снёс стены. Восхищённый свист согрел душу:

– Лихо в «бане» попарился!

– Могём ещё! – усмехнулся дед в усы. Жучка радостно подпрыгивала на месте, разделяя всеобщее ликование.

Следом за «баней», умелые броски уничтожили «крепость», «мельницу», «большую мельницу», «ступу», «зверя мамонтия», «божедомку»⁵ и «корабль».

– А поставьте-ка мне, внучата, «Пекельное дупло»! – в запале игры попросил дед. – Если не знаете такую, я сейчас объясню...

Детвора растерянно переглянулась.

– Так это, дедушка, «дупло» -то сложно разбивать. Каждый бросок в своё место. Мы даже и не пытались никогда. Сказывают, что промахнуться ни разу нельзя, а то несчастье будет...

– Ставьте, ставьте! Я знаю, что говорю.

Вода с превеликим сомнением пошёл на место и при помощи ещё трёх ребят, осторожно выложил «Пекельное дупло» – диковинное построение, высотой чуть ли не в аршин⁶ с лишним, напоминающую отнюдь не дупло, а страшную голову с распахнутой пастью, из которой во все стороны торчали чурки-клыки. Мальцы шептались:

– Нешто расшибёт по всем правилам? Сложно ведь как...

– Раз говорит «ставьте», так мож он не в первый раз!

– Он старый, ему чего жить-то осталось? Самую чуть! Вот и не боится, в случае промаха.

Яромилыч боялся. Ещё бы не бояться. Чай и сам в малые годы слышал кучу всяких вздорных побасок про «Пекельное дупло». Да таких, от которых и взрослого человека в жар бросило бы. А теперь вот с дуру ляпнул, и деваться некуда, придётся выполнять. «Старый балда, – ругнул он сам себя. – Вот ведь правду говорят, молодость не без дурости, старость не без глупости! Ладно, назвался груздём...» И всё равно было как-то не по себе. Хотя с чего бы, нога деревянная молчит ведь. Хуже было другое – «Пекельное дупло» в поле всё отчётливее походило на бесовскую рожу. Именно! Она словно дразнила старика, разевая пасть: «А ну-ка, попади, хе-хе-хе!». Шевеление губищ складывалось в отдельные слова, Яромилыч прямо таки слышал её гнусный бубнёж, и похоже, слышал только он один. Жучка суегилась под ногами, мальцы нервно теребили биты, перешёптываясь.

«Так. Нужно сосредоточится. Взять себя в руки! – твердил дед. – Я могу. Я справлюсь. Главное не дрогнуть под бросок. А вообще, чего я расклеился-то?! Подумаешь – „Пекельное дупло“! То же мне, выдумали названьице. Просто чуть тяжелее разбивать...»

А мерзкая рожа хохотала не останавливаясь: «Ну, попробуй! Только попробуй! Промахнёшься, как пить дать! Ну а уж несчастья я тебе обеспечу. Этого добра, сам знаешь, у нас навалом! И на тебя хватит, и на подружку твою – ведьму – тоже хватит...»

И старик взъярился! «Да что ж это такое, мне уже куча деревянных чурок грозит! На Любаву зубы точат! Ах ты, сучий потрох!»

Бесовская харя ржёт, заливается, вот-вот лопнет от смеха: «Ну, что, поджилки уже трясутся, одноногий?! А? Одноногий, ха-ха! Одноногий! Одноногий! Одно...»

Кручёный бросок отбил у рожи правое ухо, заставив проклятую тварь заткнуться на полуслове. Мальцы ахнули, когда палка умчалась к цели, прожужжав перед ними, и тут же разразились радостными криками. Только по ним старик и понял, что смог. Есть! Начало положено! Всё как и нужно по правилам: сначала по бокам, а дальше выбить клин из середины.

⁵ Богадельня, приют.

⁶ 1 аршин = 71, 12 см.

Остальные удары старик сделал уже не спеша, расчетливо: бесовская харя безмолвствовала. Расчекрыженное до конца «Пекельное дупло» являло собой жалкое зрелище – только две чурки и оставались на кону. Меткий бросок довершил дело. Враг, кем бы он ни был, оказался повержен! Яромилыч устало оттер пот со лба. Ребяшня радостно загомонила, кинулась к нему, едва не сплясав вокруг старика боевой танец. Один из игроков, самый, должно быть, старший здесь, внимательно глянул на дедову палку и деловито спросил:

– Почём?

Дед изумлённо помотал головой: вот она, пресловутая синебугорская хватка-то! Всё продётся, всё покупается. И дети туда же...

– Тебе зачем стариковская палочка? – спросил он в ответ.

– Она ж заговорённая, так? Буду в городки сшибаться, ясное дело. Ну, какую цену прошишь?

Остальные мальцы зашушукались:

– Заговоренной палкой играть нельзя... Чего это Хмылко наговаривает?..

Старик хотел пригладить вихры на голове паренька и что-нибудь ласково ему сказать, чтоб не обиделся отказом, но уж больно по-взрослому, оценивающе, смотрел тот на палку и её владельца.

– Не продажная, – буркнул Яромилыч. – Дорога мне, как память.

Дорога, как память... Как-то странно это прозвучало в мигом притихшем переулочке. Гулко так, и с непонятым выражением. Мальцы боязливо вдруг переглянулись, о чём-то пошептались скоро, и ни с того, ни с сего, отступили на почтительное расстояние. Кто-то спросил, испуганно пряча глаза:

– А ты, дедушка, и в детстве в городки играл?

– Тогда только и играл, – кивнул тот.

– Это он! **ЧЁРНЫЙ ГОРОДОШНИК!** Бежим!!! – заорали мальцы и кинулись врассыпную.

Одни махнули через забор, другие припустили по улице прочь, и лишь один, губастый паренек, почему-то, видимо с дуру, рванул мимо деда впритирку. Ловким движением Яромилыч выхватил его из воздуха, поймав за ухо.

– А-а! – заорал губастый, – Пусти, пусти! Городошник несчастный! Убивают! Ребята, бегите к маменьке, скажите, что меня городошник сожрал! А-а!

Однако «ребята» тут же прекратили отступление, и потянулись назад, желая посмотреть, как городошник будет пожирать их товарища. Отставив губошлепа на расстояние вытянутой рукой, старик сурово спросил:

– Чего разорался, а? Почему переполох? Какой ещё «городошник»?

– А то не знаешь, какой?! – размазывая потеки слез на грязной мордашке, ревел малец, – Ты – он и есть!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– Да нет же, я говорю! Я просто дед, Яромилычем зовут, и про городошника слышу в первый раз. Кто такой хоть?

Видя, что пожирание его пока откладывается, губастый прогундосил:

– Так все мальчишки знают. Он, городошник, сначала городошником не был. Простой мальчишка был, в городки играл. А чтоб играть лучше всех, посулил Чернобогу душу свою запродавать, коли тот ему в этом пособит. Ну, так и вышло, стал играть, словно ему сам чёрт битую носит. А когда помер, стал он по земле ходить. Иной раз ночью можно услышать, как он там, где в городки расшибал, играет сам с собой. А бывает и днем к игрокам подходит, покидает с ними кон-другой, а потом всех битой и долбаёт до смерти.

– Так а я тут при чем? – неподдельно удивился Яромилыч.

– При чем! Явился, не знамо откедова, играл, ни разу не промахнувшись, а потом ещё и «Пекельное дупло» без сучка и задоринки разгромил! Вот!

– А ещё у тебя одна нога! – осторожно присовокупил кто-то из ребят, подошедших ближе.

– А она-то с какого боку виноватая?

– Биту заговоренную, говорят, из ноги его же и сделали! Из кости! – немедля сообщили мальцы.

Дед только и развел руками, выпустив при этом губастого.

– Ногу я в молодости потерял, по глупости, можно сказать, а палка самая обычная, чтоб ходить сподручней было. Из дерева она, вот, можете пощупать. А почему я – ЧЁРНЫЙ городошник? – немного погодя поинтересовался он.

– А энтава никто не знает, – сообщил ему один карапуз, доверчиво подобрившись поближе.

– Суслик, дурак, куда лезешь! – шикнули на него старшие, и дернули за ворот, отчего мальчонка кубарем улетел назад.

– Никто не знает, но все равно городошник – чёрный. – Яромилыч прошелся взад-вперед, и испуганные ребятишки, сообразно его передвижению, подавались в стороны, словно волны, бегущие от корабля. – Да уж. Ну если я был бы городошником, тогда я должен был бы вас всех того... Битой. Так?

– Так! – испуганно заявили мальцы. У некоторых застучали зубы, у других разом засопливились носы, а третьи никак не могли совладать с зевотой.

– А почему ж я тогда вместо этого стою тут с вами, лясы точу? Может я, все таки, не городошник?

– Ну... Так-то оно да, но откуда ж наверняка узнаешь? Вот если б доказать как. – Губастый, выдвинув предположение, испуганно юркнул за спины сотоварищей.

– Может ему поклясться, а? – Суслик сумел встать на ноги, и теперь рассматривал новую прореху на свих коротких портках. – Страшной клятвой...

– Точно! – поддержали остальные, мигом перестав стучать зубами, пускать соплюшки и вообще зевать. – Клятву дашь, тогда поверим! Только страшную!

– Любую давайте, – согласился Яромилыч.

– Зубом поклянись! Знаешь как?

– А то! В малые годы-то оно случалось клясться, и не раз. – И старик молодецки шелкнул пальцем по немногим уцелевшим во рту зубам. А потом ещё и присовокупил: – Чтоб подо мной земля провалилась, коли я вру!

Среди мальцов пронесся вздох облегчения. Дед оказался человеком! Клятву-то страшную дал, зубом! И ничего, не провалился!

– А откудова ты, дедушка? – Суслик снова подобрался ближе, и теперь стоял, вытирая перепачканную землей щеку.

– Из Зибуней, ребятки. Слышали про такой город?

– Не-а, – дружно ответили все. И только один наморщил лоб и молвил:

– Батя сказывал, что там, вроде, это, кружева плетут знатные, да?

– Нет, это где-то ещё. У нас кружева не делают. Эх, сейчас в Зибунях красиво по осени-то! Трава ещё зеленая, по колено высотой, густоющая! А клены уже пожелтели, яркие такие, как свечи.

Старик ещё раз тяжело вздохнул, с тоской вспомнив родной городишко. Мальцы растерянно оглянулись по сторонам – осень, как осень, чего в ней красивого? Вытопанная земля, грязные лужи, проплешины пожухшей травы и несколько чахлах кустов, затаившихся возле забора. Лучше бы уж зима была.

– Одно дело у меня к вам, ребятаки... – начал говорить Яромилыч и не надолго задумался, ребята тотчас, застыли столбиками, ожидая, что последует дальше. – Не знаю я в вашем городе никого, да и города тоже не знаю. Ваши глаза и уши мне могут понадобиться...

– Так мы за! Можешь на нас рассчитывать! – загомонили наперебой восторженные мальцы. – Вот здорово! Ты, дедушка, наверное, против князя нашего задумал чего, да?

– Ну... – замялся Яромилыч, поскольку и сам не знал, против кого, или против чего он. – Как вам сказать... Тут оно ведь сразу и не разберешься... А что, внучата, нешто Володаря вашего так сильно в Синебугорске не любят?

– А за что его любить, морду? Родители, вон, день-деньской его ругают, чтобы князь ни делал. У других, говорят, князья, как князья, а наш – ни рыба, ни мясо. Все через одно место делает. Давно пора ему пинка под зад! Если ты против него заговор какой задумал, так мы бы помогли. Но лучше тебе в Подполье обратиться...

– Подполье? – Яромилыч свел брови вместе. – Это что за зверь такой?

– Ну, слухи ходят, что есть оно, Подполье-то. Заговорщики спрятались туда, и думают, как Володарю насолить посильнее.

– Ну, если спрятались, так где ж их найдешь? Ладно. Там видно будет. Может и Подполье пригодится. Только вы обо всем этом молчок. Никому, ладно?

– Дак зуб даем! – торжественно поклялась детвора, звучно щелкнув пальцем по передним зубам. – Ты, дедушка, когда понадобится, токмо слово молви! Завсегда нас тут на дворе найдешь.

– Тогда по рукам! – Яромилыч вытянул вперед свою сморщенную, но ещё крепкую ладонь.

Разом посерьезневшие ребята один за другим подходили и совсем как взрослые ударили руку об руку.

– А где ты, дед, остановился?

Яромилыч обернулся на голос. Ну, точно, это тот малой любопытствует, что к палочке приценивался. Деловитый, етишкин хвост! Как там его назвали-то? Хмылко?

– Слышал я, что есть, вроде, в Синебугорске постоялый двор Ярыги. Туда бы и пошел. Может подскажите, где такой?

– А! «Красный мухомор», что ли?! Так он тут недалеко. Переулком дальше идти, в конце повернуть налево, ну он там и будет скоро, мимо не пойдешь, крыша уж больно приметная. Пойдем, деда, мы тебя малость проводим.

За пустяшными разговорами о том, о сем, о Зибунях, о городошных приемах, они прошли часть пути. Хмылко вдруг протянул руку, останавливая шумное шествие:

– Все, дедуль, мы дальше идти не можем. Тут чужая сторона начинается, «Корюхинский конец», а мы с корюхинскими на кулачках. Они к нам не суются, а мы – к ним.

Пока он говорил, остальные мальцы настороженно осматривались, словно и впрямь вступили на неизвестную землю. Яромилыч понимающе покивал головой:

– Дело сурьезное. Ладно, я дальше один. Меня-то ваши корюхинские не тронут?

Отовсюду послышалось смешливое фырканье.

– Ну, ты скажешь! Они взрослых не задирают! Правда, там есть один. Сволочь ещё та. Рябуха его зовут. Он всякую подлянку сделать может. Ему и взрослые не указ. Толстый такой, и нос, как слива. Если увидишь, так сразу узнаешь. Да и не узнаешь, так он сам скажется, какую-нибудь гадость отмочит.

– Тогда отведает вот этого! – Яромилыч воинственно махнул палочкой.

– Здорово бы! – хмыкнули ребята. – Ты, если чего, и от нас тогда навешай ему.

– Ну, внучата, бывайте. Пойду. А про уговор наш помните. Как только что решится, я вас сразу на подмогу кликну.

Кивнув на прощанье, он зашагал по проулку дальше, а Жучка, весело подпрыгнув, пустилась догонять хозяина.

Глядя им вослед, Хмылко цокнул языком:

– Не, мужики, вы думайте, что хотите, а только все-таки это был чёрный городошник.

– Точно, городошник! – согласились остальные. – И собака у него колдовская, ни разу не гавкнула.

– Но, хороший городошник! – Хмылко вздел указательный палец вверх и многозначительно им потряс, – Правильный! Который за нас, за мальчишек!

ГЛАВА 2

Записки Хатэтуримо

Начаты в неизвестно какой день. Местность, где-то очень далеко от Ниппон.⁷

Запись 11. «Я не перестаю славить несравненную красавицу Амаэрасу⁸, Светлую Богиню, милостиво являющую мне свой лучезарный лик и в этой дикой стране, моля Её о здорье и долголетии моего Государя, Владыку Белой Горы, Повелителя Священной Ниппон!

Эти записи я решил сделать, ибо впал в отчаяние, и уже не надеюсь увидеть, как благословенная Ниппон украшается по весне в убранство цветущей сакуры... Я в печали и всё чаще задумываюсь о сэпукку⁹... Одно только и останавливает: а кто мне окажет честь и отрубит голову, когда я вскрою свой живот? Ведь здесь ни друга нет, ни верного слуги... А варвары не имеют ни малейшего представления о таком уходе из жизни, считая подобное грехом. Только это, да ещё мысли о Митикоси удерживают меня в мире живых.

На тот случай, если в деле моем мне так и не будет дарована удача, и бумаги эти так и останутся здесь, я, веря, что отыщется хоть кто-то, кому станет это интересно, поведаю грустную историю Хатэтуримо. От начала, и, возможно, до самого конца...

О, Амаэрасу! Я запомню тот день навсегда... Утром, как обычно, мы дежурили на страже у покоев нашего Божественного Государя, Императора всея Ниппон, изображая собой две неподвижные статуи. Работа привычная для закаленного телом и духом самурая. Только и дела, что стой навтыжку с катаной наголо да с копьем в руке, и старательно пучь глаза, чтоб поужасней выглядеть. Не знаю, как получалось у меня лично, но Ибонаки, мой бесменный напарник, смотрелся воистину страшно, словно сам Такэхая-Суса-но-о-но Микато¹⁰, собирающийся на битву с длинноносыми лешими «тэнгу»! Как несравненная Митикоси обратила своё внимания в сторону столь страхолюдных стражей? Ибонаки стоял справа, я – слева, за нашими спинами – Личные Покои Государя, а перед нами располагалась Большая Приемная Зала, вся устланная циновками. В Залу вели восемь входов, прикрытых богатыми расписными ширмами. Я от натужных усилий изобразить почти божественный гнев у себя на лице (исключительно с целью угодить Государю, и отпугнуть от его покоев вечно голодных духов «гаки» и ужасных демонов «аманодзяку»), не сразу заметил, что из приоткрывшейся в дальнем углу ширмы, на меня уставились, сияющие словно небесные камни, два прекрасных глаза. Точнее сказать, я бы их так и не заметил, если бы не Ибонаки. Он вдруг, чтобы привлечь мое внимание, издал смешной звук «пст!». Я удивился: «С чего бы это Ибонаки стал вести себя столь непотребно, стоя на таком ответственном посту?» Не шелохнув закаменевшим лицом, я с трудом скосил глаза в его сторону, и издал неопределенное мычание, которое он должен был понять как вопрос: «чего тебе?» Ибонаки тоже не смотрел в мою сторону, он просто шевельнул усом, указывая направление. Я всмотрелся и увидел Митикоси. Нет, не так. Я не знал, что это Митикоси. Более того, я вообще не знал, кто такая Митикоси, даже и имени такого не слыхи-

⁷ Дабы не возникло взаимного недопонимания, сказитель загодя спешит предупредить своих бдительных (и, стало быть, куда более сведущих в традициях *настоящего* государства Ниппон) читателей, что описанная здесь культура, все имена, обычаи и быт (за исключением, разве что, имен Божеств) придуманы произвольно, без какой-либо привязки к действительности. Это *другая* страна...

⁸ Амаэрасу оо-ми-ками – «Великая Священная Богиня, Сияющая на Небе» (яп.).

⁹ Харакири.

¹⁰ Бог бури, чье имя означает «Доблестный Быстрый Ярый Бог-Муж», (яп.).

вал прежде. Но то, что это прекрасная девушка, я понял сразу, хотя и увидел лишь глаза. Увидел, и сразу полюбил! Это бывает только у нас, у ниппонцев, северным варварам такая любовь не известна. Но я отвлекся. Заметив, что я обратил внимание на нее, она, тихонько засмеялась и прикрыла ширму. Это видение так сильно взволновало меня, что я уже больше не мог находиться наедине со своими мыслями, и пошёл на страшное нарушение правил. Кончиком церемониального копья я нацарапал на полу иероглифы «кто это?». Ибонаки последовал моему примеру, должно быть, поняв, что творится в моей душе. Истинный друг! Он написал: «Хатэтуримо, ты необразованная горная обезьяна, если не знаешь, кто это! Это же племянница Государя, несравненная Митикоси! её только вчера привезли из префектуры Тояма!» Я ответил: «Я пропал, Ибонаки! Мое сердце отныне принадлежит ей одной!» В ответ же получил следующее: «Да, ты пропал. Господин никогда не отдаст свою племянницу за безродного самурая. Лучше выкинь её из головы». «О нет! – начертал я, – Это свыше моих сил! Сейчас я сложу хайку!» Ибонаки спешно ответил: «Не надо!» Но меня было не удержать, и я принялся выводить:

*И в синей воде,
И в синем небе,
Зрю облик твой я...*

На этом наш разговор прервался, ибо пришел начальник стражи, грозный Ритиморо-сан, и, после того, как увидел, во что мы с Ибонаки превратили пол острыми кончиками копий, разразившись жуткой руганью, выгнал нас обоих прочь. Нам было невероятно стыдно... С этого дня мы были понижены в должности – вместо личных покоев Императора, нам пришлось охранять покои... его родственниц! Там-то и жила моя Митикоси! Я уже тогда думал о ней только так – «моя Митикоси». Здесь, у покоев родственниц, строгостей было гораздо меньше и мы с Ибонаки, не изображая больше неприступных истуканов, могли даже разговаривать, правда, когда нас никто не видит. Первое, что он мне сказал:

– Ну, тебе и повезло, горная ты обезьяна! Как нарочно прямо все вышло. Уж не помогает ли тебе Ягахаэ-химэ¹¹?

– Все может быть, друг Ибонаки, все может быть, – ответил я. – В любом случае как только мы сменимся я поспешу в её храм и возолью на жертвенник целых пять сё¹² рисового вина.

Ибонаки понимающе сглотнул, молвив:

– Мне бы сейчас хватило и парочки го¹³.

Немного погодя, подождав, пока мимо нас прошествует какая-то троюродная тетка Государя, он продолжил:

– Тебе пора жениться, Хатэ, – (все мои друзья зовут меня Хатэ) – но племянница Императора, это я тебе скажу...

Я только беспечно засвистел, ведь влюбленным все препятствия кажутся разрешимыми. На мой свист ширма за нашими спинами вдруг распахнулась и оттуда выглянула... она! Удивленно округлив глаза, она охнула:

– Это ты?

Я судорожно кивнул. А Ибонаки хмыкнул:

– И он ещё будет отрицать, что Ягахаэ-химэ всячески помогает этому недотепе!

А ведь я и не думал отрицать!

¹¹ Богиня, чье имя означает «Дева Множества Цветений» (яп.).

¹² 1 сё = 1,8 литра.

¹³ 1 го = 0,5 литра.

– Вы – Митикоси? – спросил я, ибо это был наименее глупый вопрос, из тех, что вертелся у меня в голове.

– А вы – Хатэтуримо! – ткнула она меня своим нежным пальчиком в складки кимоно на груди. – Я узнала твое имя у вашего этого, ну, такой страшный...

– Ритиморо! – пискнул перепуганный Ибонаки.

– Да, от него!

– Да нет, – совсем тихо просипел мой верный друг, – я не уточнял, о ком идет речь, просто он сам идет сюда. Вам надо спрятаться, госпожа!

Пред тем как исчезнуть за ширмой, Митикоси закрыла нас от лица приближающегося Ритиморо широким рукавом своего кимоно, и шепнула мне:

– Я читала ваше хайку...

Это она о том хайку, что было нацарапано на полу!..

Какими словами нас потом крыл начальник стражи, за недозволенные разговоры с императорскими родственницами, я даже не слышал, витая в небесах. О Боги, она читала мои вирши, сложенные для нее! Да я и не мог мечтать о таком! Ведь хайку ей понравилось! О, милая Митикоси!!!

Нас снова перевели на другое место службы. Ибонаки только горестно вздохнул, когда выяснилось, что теперь мы будем охранять Государев дровяной сарай.

– Вот теперь будешь для пеньков свои хайку писать, – сообщил он мне, насупившись. – Для пней и бревен. Подумать только, променяли Государя на дрова!

– Она придет! – ответил я.

– За дровами? Вряд ли. И вообще, что это за манера такая отвечать невпопад?

– Она любит меня! – уведомил я Ибонаки.

– У отца есть знакомый врач, надо бы тебя ему показать! – с этими словами он подпер стену сарая плечом и умолк.

И тут я ощутил приступ раскаяния. В один миг я осознал, как велика моя вина перед другом, которого по моей вине лишили почетного места службы, перебросив на самые задворки Государева дворца. Здесь, среди лопухов-переростков, обильно расплодившихся из-за того, что сюда выливают помои, я встал на одно колено и начал говорить:

– Ибонаки, друг мой, можете ли вы простить своего неразумного товарища, что ослепши от любви, принес вам столько несчастья! Я никогда, вы слышите, никогда не смогу оценить до конца той жертвы, что вы...

Я много чего говорил ещё, искренне убиваясь, когда вдруг заметил, что Ибонаки меня не слушает. Вместо этого он хитро посматривал куда-то за мою спину, как-то странно улыбаясь при этом. Я запнулся на полуслове, когда он сказал:

– Ты был прав, Хатэ. Она пришла.

Я обернулся и увидел её. Митикоси, переодевшись в кимоно простой прислужницы пришла сюда, как будто за дровами. Засмеявшись в рукав, она произнесла:

– А так вот вы где прячетесь, господин Хатэтуримо!

– Э-э-э... Можно просто, Хатэ! Так меня зовут близкие.

– О-о! Я ценю ваше доверие. А почему вы стоите перед своим другом на одном колене?

Ибонаки нашелся, что ответить:

– А он только что читал мне очередное хайку, посвященное вам, уважаемая госпожа Митикоси!

– Ну, теперь, когда я сама здесь, вы можете, Хатэ, прочитать его мне лично.

Вот ведь Ибонаки, выручил, называется... Я призвал на помощь вдохновение – ведь не зря же мой покойный отец в пять лет отдал меня учиться поэзии – и выдал, как на духу:

Имя твое, Митикоси,

*В каждом я звуке ловлю!
Слышишь ли?..*

А потом сразу ещё:

*Ты – журавлик,
Я – журавлик,
Оба мы журавлики!*

Моя Митикоси покраснела, словно закатное солнце! Даже Ибонаки, похоже, проникнулся, хотя ранее за ним поэтического вкуса не замечалось. Мне и самому, надо сказать, понравилось. Каждое слово выверено, ровно строка в строку! Старому Ясиатаси-но-боно, моему учителю по стихосложению, это хайку пришлось бы по душе, хотя он и говорил, что сам сочинитель не должен гордиться своим слогом.

– Как вам удалось придти сюда, милая Митикоси? – спросил я очередную глупость, отчего Ибонаки застонал.

– Я поменялась с Нипо, моей служанкой, одеждами, и вот, я здесь, а она там, сидит под балдахином, никого к себе не допускает, и ждет моего возвращения. Сейчас принесу дров, никто ничего и не заметит.

– О, позвольте мне помочь вам нести дрова! – тут же вскочил я. – Никто и не заподозрит дурного, увидев, что простой стражник помогает служанке.

– Да, – подхватил Ибонаки, – идите, а я подежурю.

Вот так мы, взявши каждый по полену, и остались наедине друг с другом. Моя голова шла кругом, да и Митикоси, кажется, ощущала себя так же. Я долго думал, что говорить, что делать, но тут Митикоси сама вдруг прильнула к моей груди и поцеловала.

– Я люблю тебя, – сказал я, как только смог перевести дух.

– Я люблю тебя ещё сильнее, – отозвалась она.

И тут, разрази его Оо-магацухи-но Ками¹⁴, снова откуда-то приперся этот глубокоуважаемый Ритиморо, чертов начальник стражи! Вечно он не вовремя! Честно говоря, поняв, что сейчас честь моей милой Митикоси может быть опозорена тем, что её застучали целующейся с простым самураем, я приготовился защищать свою любимую с катаной в руках. И пусть Ритиморо, этот бывалый рубака, мне не по зубам, но я готов отдать жизнь!

Начальник стражи не спеша подошел к нам, блестя на солнце своим страшным рогатым шлемом, хмыкнул в усы, а потом – вы только подумайте! – ущипнул Митикоси пониже спины... Я думал, что немедля убью мерзавца, но нежные пальчики любимой вдруг легли на рукоять катаны, не дав мне её вытащить.

– Хорош, Хатэтуримо, хорош! Я уж думал ты совсем замороженный, или вообще, не такой, а ты вон каков! Хо-хо! Стоило только оказаться подальше от покоев Императора, и тут же пустился интрижки с прислугой крутить! Молодец! Я подумаю над тем, чтобы вернуть тебя во дворец...

Ещё раз гортанно хохотнув, от развернулся и снова убрел куда-то, нещадно топча кусты роз. Я хотел было броситься за ним следом, пока ещё мог видеть, где мелькает его рогатый шлем, но Митикоси удержала меня.

– Я убью его! – рычал я, словно ополоумевший тигр.

– За что? – искренне удивилась моя любимая. – Он не признал меня, спутал со служанкой, и это главное! Нам ничто не грозит!

¹⁴ «Бог Больших Зол» (яп.).

Ещё раз поцеловав меня, она убежала в свои покои, а я вернулся назад так и прижимая к груди злосчастное полено. Ибонаки увидев мое взбудораженное состояние, встревожился.

– Да вот, – ответил я, – только что чуть не скрестил катаны с Ритиморо.

– Но он бы убил тебя! – ужаснулся Ибонаки.

– Ты бы отомстил за меня, – с уверенностью ответил я, бросив ему полено.

– И меня бы он тоже убил, – столь же уверенно подхватил мой верный друг, ловко поддав по полену ногой.

Мы оба безудержно расхохотались, глядя, как оно закувыркалось в воздухе.

Обратно во дворец нас не перевели, и мы и в жару и в дождь так и продолжали три месяца кряду сторожить этот злосчастный сарай. Развлечений никаких: то прислуга приходит за дровами, то крестьяне привозят дрова, с кухни выносят и выливают помои, изредка навещался Ритиморо, глянуть, как мы тут, да ещё реже Митикоси улучала время, чтобы прибежать ко мне. В один из её приходов я подарил ей узкий плетеный пояс¹⁵, и она, стесняясь, приняла его... Я был так счастлив!..

Каждый раз я улучал минутку, чтобы поговорить о том, как же нам быть дальше, но она всякий раз прикладывала пальчик к моим губам, призывая оставить тему, и говорила, что беспокоится не о чем, ибо у нас есть сильный покровитель, и он поможет в своё время. Я долго крепился, томясь всей этой неопределенностью, но в конце-концов не выдержал больше, и решился на отчаянный шаг.

– Так больше продолжаться не может! Я иду к Государю... – сказал я Ибонаки и, вручив ему копье, пошагал во дворец.

– Прощай друг, – печально молвил мне во след мой верный Ибонаки.

Его слова были пророческими, мы с ним так больше никогда и не увиделись...

На что я тогда надеялся, не понимаю. На то, что Государь, у которого целая дюжина племянниц, не пожалеет одну из них выдать за меня? Увы, Государь наш в молодые годы так и не обзавелся супругой, а теперь уже и не станет этого делать, и племянницы эти его единственные наследницы, потому-то заморские принцы из страны Чхон¹⁶, Великой Хань, Вьет, княжества Лю и других государств стояли в очереди за ними, дабы породниться с высоким домом Осимояти. На что мог надеяться я? Разве что на быструю смерть, к которой меня приговорят за дерзость?

И тем не менее: «если перед тобой две дороги, выбери ту, что ведёт к смерти!» Так гласит кодекс «Бусидо»! Посему, несмотря ни на что, я пошел. Пред входом в Залу Для Ожидających я сдал оружие охране, и только после этого был допущен внутрь. К моему немалому удивлению здесь, в довольно маленьком и скромно обставленном помещении, посетителей было немного, всего трое. А ведь обычно здесь не протолкнуться! Я уже приготовился к многочасовому ожиданию, и вот на тебе! Я воспрял духом – не иначе как Ягахаэ-химэ мне и впрямь помогает?! Эти трое были дряхлый старец, хлопотавший о высвобождении внука из долговой тюрьмы, пожилой самурай, недовольный размером своей воинской пенсии, и крестьянка с прошением об уменьшении податей взимаемых с нее, ибо муж женщины давно уже умер. Просители, коротая время в ожидании, обычно делятся меж собой своими бедами, так вот я и узнал, кто из них с чем пришел. Но чем же было поделится мне? Я не стал таиться, и рассказал все как есть, что пришел просить руки императорской племянницы. Они только ахнули, а потом, посоветовавшись, решили пропустить меня первым.

– Наши дела как ждали, так и ещё подождут, твое же дело не терпит отлагательств! – сказал мне старик.

¹⁵ Его подносят будущей невесте.

¹⁶ Корея.

И вот я, с трепетом в душе, смиренно склонив голову, скинул свои дзори¹⁷ перед входом, вошел особым семенящим шагом, которым полагается передвигаться просителю, вошел в ту самую Большую Приемную Залу, в которой ещё не так давно стоял сам, охраняя вход в Личные Императорские Покои. Теперь на нашем с Ибонаки месте стояли два других молодых самурая, старательно изображающих на своих лицах зверские выражения. «Нет, – подумал я, – до нас с Ибонаки вам ещё далеко. Молодые вы ещё...» Церемониальные копья, как я заметил, дрожали у них в руках, а сами парни с трудом выдерживали вес парадного доспеха, тяжеленного, составленного из тысячи железных пластин со здоровым стоячим воротом.

Император сидел аж на трех дзубутон¹⁸ под балдахином, полностью скрытый его тенью, ибо смертным просителям не полагалось лицезреть его Божественный облик. В другое время – можно, но не в часы подачи своих просьб. Я, например, не единожды видел Государя, и даже пару раз сопровождал его выход. Бессменный главный Императорский советник, старик Хиро, кутаясь в своё темно-синее кимоно, стоял по правую руку Его Высочайшего Величества, со странным выражением взирая на меня. На его высоком челе отражались блики жировых светильников, обильно чадящих в разных углах Залы. Я сначала, как положено по этикету, пал ниц, трижды коснувшись лбом циновок, а потом, встав на оба колена, молвил, не поднимая глаз:

– Хатэтуримо, из рода Осаки, пришел к Государю с нижайшим прошением.

Хиро склонился над Божественным ухом и что-то быстро прошептал.

– А, – молвил Император своим чуть хрипловатым голосом, – Осаки, да! Я знавал твоего мужественного отца, мы с ним плечом к плечу прошли Чхонскую компанию от начала до конца. Он был бравоый офицер! Надеюсь, его сын таков же?

Я кивнул. Вот ведь как?! А отец никогда и полусловом не намекнул, что он помогал Государю возвращать престол предков...

– Как он поживает? – спросил Император.

Советник сочувственно глянул на меня. Я же принял вопрос стоически, ведь не может правитель Великой Державы помнить всех своих бывших соратников, постоянно интересоваться положением их дел.

– Батюшка умер восемь лет назад, – произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал ровно. – Старые раны...

– Храброый воин был. Осаки, Осаки... – Государь обернулся к Хиро. – Запиши, чтобы я помянул сегодня самурая Осаки, моего сподвижника, когда буду молиться в Храме Предков.

Советник спешно черкнул что-то кисточкой на листе.

– Говори, – разрешил Император, махнув веером в мою сторону, – чего ты хочешь?

Только тепер я с необычайной ясностью осознал, что здесь и сейчас, в этот вот самый миг решается моя судьба. Одно слово государя, и я буду либо навеки осчастливлен, либо голова, некогда принадлежавшая бедному Хатэ, сыну бравого Осаки, покатится с плеч долой. Язык отказывался мне повиноваться.

– Я... – только и смог выдать я из себя.

И тут в Залу ворвалась Митикоси! Следом за ней вбежали охранники, но тут же, сообразив где они находятся, почтительно согнулись в три погибели, и в таком вот положении отпортовали:

– Госпожа без разрешения ворвалась! Нас и слушать не стала...

Император движением веера приказал им встать с этой стороны входа. Митикоси же, воскликнув «Вот ты где!», бросилась ко мне и встала рядом на колени. Поклонившись Государю, она затараторила, не давая никому вставить ни слова:

¹⁷ Лёгкие сандалии, плетеные из бамбука (яп.). Лапти, одним словом.

¹⁸ Плоская подушка для сидения (яп.).

– Милый дядюшка (услышав такое обращение к Священной особе Императора, я уже был на грани обморока!), ты вот что хочешь делай, но ты меня знаешь, а мы с Хатэтуримо давно (ну, я бы сказал, относительно давно) и крепко (а вот это правда!) любим друг друга, и решили пожениться (впрямую мы этот вопрос не обсуждали, но...)! Пусть он и простой неродовитый самурай, мне это безразлично, и я прошу тебя, заклинаю всеми Оо-камудзуми-но Микото¹⁹, не откажи нам в твоём высочайшем разрешении стать на веки мужем и женой!

Все это моя несравненная Митикоси выпалила на одном дыхании и без запинки, словно давным-давно выучила свою просьбу. После этих слов Император вскочил, опрокинув балдахин, и явил нам, простым просителям, своё Божественное лицо, искаженное яростью.

– Что?! – вскричал он, словно прогремел гром в небесах, и мы спешно пригнулись, подобно рисовым побегам, склоняемым сильным ветром. – Моя племянница замуж за безродного вояку?!

– Если не разрешишь, – сразу предупредила его Митикоси, явно испугавшись его гнева куда меньше чем я, – то я умру!

Под эти её слова снова гулко опрокинулся балдахин, выпавший из рук Хиро, безуспешно пытавшегося водрузить конструкцию на место. Государь зарычал, словно раненный тигр, сжимающая и разжимающая кулаки, потом обратился лицом ко мне и, бешено вращая глазами, почище чем мы с Ибонаки, спросил, а точнее проорал:

– Да как ты смел?!

Митикоси, моя верная Мити, не вставая с колен, влезла между нами, и закрыла меня, широко разведя руки:

– Мы оба!

– Если бы ты сам хоть полслова обмолвился об этом, – ругался через её голову Государь, – я велел бы изрубить тебя на мелкие кусочки, а потом бросил бы их тиграм! Благодарю Митикоси, что она сказала это первой!

– Благодарю тебя, Митикоси, – послушно молвил я.

Хиро тем временем при помощи самураев охраны сумел установить балдахин, и теперь тяжело отдувался, явно отлынивая от своих прямых обязанностей, то есть, избегая давать Государю советы. Тот пару раз метнул вопрошающий взгляд в его сторону, но ответа не дождался.

– Митикоси, ведь ты моя самая любимая племянница, как ты могла так поступить со своим дядюшкой?..

– Если любимая, то ты должен уважать мои чувства! – запальчиво возразила моя любимая, и я поспешно втянул голову в плечи, ожидая новой вспышки высочайшего гнева. Ведь Император никому ничего не должен!

– Но за тебя сватался чхонский князь Квон Дун, что же теперь ему отказать? Это же война! – заломил руки Государь.

При слове «война» молодые самураи тут же напыжились, горделиво выпятив парадные панцири, прямо хоть сейчас на картинку, а вот Хиро трусливо съехался, совсем как я. Отец рассказывал мне о большой войне, той самой знаменитой Чхонской кампании. Ничего хорошего. Кровь, увечья, смерть друзей, смерть врагов, таких же людей, как и твои друзья... Почести будут потом, если конечно будет кому их воздавать. Я знаю, мысли недостойные наследственного воина, тем более уже поучаствовавшего в приграничных стычках. Но, это – правда о войне...

– Этому Квону больше нравится Нимикоту, вот пусть её и увозит в свой дурацкий Чхон! – предложила Митикоси.

– Твоя сестра Нимикоту должна выйти за Юй-Бэ из Чжур-Чжень, – растерянно ответил Император. – Как с ним быть?

¹⁹ «Великие Божественные Боги-Духи» (яп.).

– Ему отдать Иринали, они друг на дружку похожи! – Митикоси не собиралась сдаваться. Так они перебрали всех многочисленных племянниц Государя, пока не выяснилось, что один из принцев все же остается без пары.

– Сю. Как там его полный титул? Сиятельный Повелитель Тигров, Божественный Сю! Что с ним?

Я видел этого Сю, владыку государства Вьет, когда он навещал Государя. Среди своего народа он считается рослым парнем, но если его поставить рядом с Митикоси, «сиятельный тигр» вполне спокойно пройдет у нее подмышкой. Моя любимая так и заявила:

– Да он же совсем коротышка!

– Это ещё не повод, чтобы отказывать уважаемому принцу Сю! – назидательно молвил Император. – Если ему так и сказать – опять же война...

Митикоси смолчала, видимо, исчерпав запас своих доводов, но вмешался советник Хиро. Учтиво поклонившись, старый лис выдал такое, отчего волосы на моей голове встали дыбом:

– А пускай будет война!

И это сказал Хиро? Самый отъявленный миротворец Хиро, который жалел выделить лишний бу²⁰ на военные расходы? Тот самый Хиро, которого и в лицо, и за глаза называют «Давайте-Жить-Дружно»? Даже Государь, в запале уже вознесший руки вверх, дабы обрушить на наши головы какую-то речь, пораженно замер. Хиро говорит о войне! Уж не перевернулся ли мир вверх ногами?!

– Ну, в смысле пусть будет война, ведь её все равно не будет, – пояснил он свою мысль, испугавшись нашей реакции. – Этот жалкий никчемный Вьет никогда не посмеет на нас напасть. Побренчат оружием, и успокоятся.

И действительно, какому Вьету воевать против Ниппон?! Император кивнул головой в знак согласия, и смилостивился.

– Ну, – сказал он, – за этого Сю я и сам бы не хотел тебя отдавать. Неказист, право слово. Но за сына Осаки я тоже тебя выдать не могу...

– Умру! – напомнила Митикоси.

– Но ведь он не ровня тебе! Он же простой самурай! – Император гневно ходил взад-вперед, явно не зная, что предпринять. Хиро спрятался за балдахин и носу оттуда не казал.

– А можно его повысить в звании, приблизить к трону, сделать его важным чиновником! Ведь что-нибудь можно придумать! – Мити не собиралась сдаваться.

Хиро немедля выглянул из-за укрытия и поддержал высокородную племянницу:

– Именно это я и хотел предложить Светлейшему Государю! Если Хатэтуримо совершит какой-нибудь подвиг во славу Священной Земли Ниппон, то его можно будет наградить высоким чином. И тогда уже не зазорно будет оженить его на Митикоси. Наоборот, императорской фамилии от этого будет только почет! Как же – родство с героем!

Император задумчиво пожевал ус, а потом прищурился и спросил у советника:

– И что бы это мог быть за подвиг?

Хиро быстро просеменил к нему и что-то зашептал на ухо. Судя по тому, как изумленно взлетели брови Государя, затеивалось нечто нешуточное. От нехорошего предчувствия у меня забулькало в животе, но страсти в Зале были так накалены, что на это никто не обратил внимания. О чем они там шушукуются? Что готовят? Я должен убить дракона? Или собрать со дна морского рассыпавшуюся нитку жемчуга, утерянную ещё прабабкой Императора? В одиночку завоевать для Ниппон ещё какой-нибудь остров?

Государь, дослушав советника, чуть не топнул ногой:

– Да вы что с моей племянницей, сговорились что ли? И способ в произвести в благородные чины простого самурая у вас есть, и подвиг наготове!

²⁰ Старинная денежная единица (яп.).

По тем взглядам, которыми быстро обменялись Мити и Хиро, я понял, что Император попал в точку. Так вот кто этот таинственный сильный покровитель, о котором говорила моя любимая!

Государь махнул на горе-заговорщиков рукой и уставился на меня, сурово буравя глазами насквозь.

– Самурай! – донеслось до моего слуха, – Клянусь Микэну-но Микото²¹, если ты совершишь такой подвиг, то я, видя, что ты достоин такого сокровища, как Митикоси, отдам её тебе в жены. Она моя самая любимая племянница и мне как дочь. Ты же будешь тогда мне как сын! Иди же в отцовские объятия!

Император распахнул руки и... заплакал от невысказанных чувств. Я подтянул повыше свои хакама²², кинулся к нему, прильнув к груди, и безудержно рыдая от охватившего меня счастья. Следом за мной тонко заплакала Митикоси, тоже прильнув к дядюшке. Тотчас же зарыдал советник Хиро, утирая ручьи слез краем балдахина. К нему присоединились и двое самураев охраны, заливаясь в голос – ведь нечасто увидишь, как сам Божественный Государь обнимает такого же простого воина как они, словно равного! Служанка, принесшая Императору чашку саке, при виде зрелища, представшего её глазам, не смогла удержать слез, хотя, по моему, она совершенно не поняла отчего это мы так убиваемся.

Вдоволь наплакавшись, Государь вернулся на своё место под промокший балдахин, и, махнув веером, осевшим от слез голосом молвил:

– Иди же и выполни все!

Снова зарыдала Мити, бросаясь мне на шею, целуя и называя тысячей ласковых имен. Заплакал и советник, опять схватившись за край балдахина. Император долго крепился, но и он вскоре зашмыгал носом. Самураи на входе дружно поддержали государя, заливая солеными ручьями свои парадные панцири.

– Возвращайтесь скорее, господин! – надрывалась моя милая.

– Мы будем ждать тебя! – бормотал прямо в балдахин советник.

– Вся Ниппон будет встречать тебя с цветами! – с надрывом вторил ему Господин.

И даже охранники, которым в присутствии Императора говорить не полагалось, всем своим видом показывали, что они – со мной!

– Поспешу же! – много раз отвечал я всем, не скрывая слез.

Государь по деловому глянул на стоящие подле его трона солнечные часы и молвил:

– Если и впрямь поспешишь, то ещё можешь успеть на корабль, который отправляется в Чхон. Оттуда тебе будет гораздо удобнее добираться.

Я поклонился, и пятясь задом, двинулся в сторону выхода, но вдруг остановился как вкопанный. Удобнее добираться КУДА? Ведь о самом подвиге мне так и не сказали! Все вперили на меня недоуменные взгляды, разом перестав рыдать. Государь первым сообразил в чем дело: – А, подвиг?! Вот что я тебе скажу, сын Осаки. Проклятый Богами узурпатор Ису. Это из-за него тебе придётся теперь отправляться в этакую даль. Ты, должно быть, не помнишь правления Ису?

Я кивнул головой. Мне было три года, когда принц Омоко-тоичи, сын свергнутого Государя, и сам будущий Государь, поднял в стране мятеж. Узурпатор Ису правил жестоко, попирая все законы, народ ненавидел тирана и с готовностью восстал против него. Отец рассказывал мне, как они сражались с Ису, выбивая отовсюду его отряды. В конце-концов, узурпатора заперли в горах Уморими. С ним оставались только наемники из Чхон, потому-то эта битва и была впоследствии названа «Чхонской кампанией». Чхонцы погибли все, до последнего защищая тело убитого Ису, и Ниппон обрела своего настоящего правителя из рода Осиямоти...

²¹ «Бог-Правитель Священной Пищи» (яп.).

²² Широкие самурайские штаны.

– Чтобы укрепить своё шаткое положение, – продолжал тем временем Государь, – него-
дьяй Ису рассылал во все стороны щедрые подарки, заручаясь дружбой соседей. И в этом он
не знал удержу, разоряя казну. Хань, Вьет, Тэн Гу, Мэн Гу, Чхон – все получили целые обозы
сокровищ нашей Империи. Даже далекий Хинд, и тот был не забыт, хотя, казалось бы, Хинд-
то ему зачем? Ведь далеко же! Большую часть этих подарков мы сумели вернуть назад, но что-
то, увы, пропало бесследно. На утраченные сокровища мы давно махнули рукой, но... Одно
из них, как недавно выяснилось, просто необходимо вернуть, невзирая ни на какие трудности.
Это Нефритовое Зеркало.

Пока Император говорил, я кивал головой, ибо все это знал. Но когда прозвучало назва-
ние сокровища, за которым меня отправляли, я осекся. Нефритовое Зеркало?! То самое,
в которое смотрелась сама Сусэри-бимэ²³!

– Нам известно о нем совсем немного – Ису отдал его князю какого-то варварского госу-
дарства, лежащего где-то далеко на северо-западе. Живут там эмиси²⁴. Главный город имену-
ется Син-Бао-Го-Ро-Си-Ку. Жрецы сказали, что их посетило видение, будто Зеркалом попыта-
ются воспользоваться во имя Зла. Прежде мы бы не стали его искать, уж больно далек и труден
путь к варварам, но в этом случае нам необходим герой, который спасет святыню от осквер-
нения...

Я молча поклонился Государю в знак того, что все понял. Потом повернулся к любимой
и простился с ней, не стесняясь того, что это происходит не где-нибудь в саду, среди расцвет-
ших сакур, или среди опавших по осени желтых трав, а в Большой Приемной Зале, на виду
у двух самых могущественных людей Империи.

– Держи мои дзори под своей кроватью, – сказал я.

– Я очень хочу зачернить зубы²⁵ для тебя, – ответила Митикоси.

На прощание я прошептал ей хайку, только что родившуюся у меня в душе:

*– Мотылёк, мотылёк,
Ты летаешь одинок,
Где цветок твой?..*

– Вот он... – прошептала Мити, прижимая мою руку к своему сердцу.

После этого я встал, ещё раз поклонился Государю и советнику и, более не задержива-
ясь, поспешил на корабль идущий до Чхон. Не попрощавшись ни с матушкой, ни с настав-
ником Яо, ни с верным Ибонаки. Не собрав даже бэнто²⁶ в дорогу. Со мной были лишь ста-
рая отцовская катана, лук, да кошель с большим запасом рё²⁷, неизвестно как попавший мне
за пазуху. Не иначе Мити побеспокоилась? Корабль, управляемый коротконогим капитаном,
явно наполовину чхонцем, гордо именовался «Удачным Путешествием». «Интересно, – поду-
мал я, всходя на качающуюся под ногами грязную палубу, – Веще ли оно, это название?» Кое-
как закутавшись в своё кимоно, я помолился милостивой Аमतэрасу и грозному Такэфуцу-но
Ками²⁸, и уснул».

²³ Богиня, чье имя означает «Дева Ярая Богиня» (яп.).

²⁴ Буквально – «волосатые люди» (яп.).

²⁵ Замужние женщины покрывают зубы черным лаком (яп.).

²⁶ Корзинка с едой (яп.).

²⁷ Старинная денежная единица (яп.).

²⁸ «Бог Доблестного Удара Мечом» (яп.).

ГЛАВА 3

Яромилыч не глядя по сторонам неспешно ковылял по оказавшемуся довольно длинным проулку. Домишки здесь стояли все какие-то одинаково унылые, безликие, народ на улице не наблюдался, а на всякую живность, копошившуюся в грязи, смотреть не хотелось. Жучка, по первости, отвлекалась на чумазых поросят, пускавших в лужах пузыри, но вскоре бросила это занятие, поскольку ответного внимания не получала. При виде псинки, свиненыши спешно заныривали поглубже и подальше, и уже оттуда, с безопасного расстояния, нагло посверкивали своими маленькими хитрыми глазенками. Встретив такое отношение в очередной раз, Жучка повернулась к врединам спиной, пару раз шваркнула задними лапками, забросав поросят землей, и гордо ушла. Если бы она повернулась, то могла бы увидеть, что поросята с благодарностью подставили грязные спинки под земляной дождь.

От скуки Яромилыч решил заглянуть за первый попавшийся забор, чтобы хоть одним глазком полюбопытствовать, а как тут в Синебугорске народ приусадебное хозяйство ведет. Увидев невысокий плетень, дед сунулся через него и чуть не упал от увиденного. Какая-то молодка задрав подол исподней рубахи под самые подмышки до белых грудей, то и дело садилась голым, весьма надо сказать упитанным белым задом, на выкопанные грядки, что-то при этом приговаривая. Отпечатки на земле – Яромилыч оценил – получались что надо: глубокие и впуклые. Завороженный непривычным зрелищем, дед не удержался, и крикнул:

– Что, баба, ворожишь?

Молодка, взвизгнув, спустила рубаху обратно, да ещё и с переполоху присела на грядки, словно хотела спрятаться.

– Та ни, диду, – ответила она. – Яка там ворожба?! Цэ я по старому обычаю силу збираю. Потиркаюсь маленэчко у грядку та пошепчу: «Грядка, грядка, отдай маю силу в обратку».

– И що, чи помогаэ? – удивился Яромилыч, вспомнив сурожанский говор.

– А як же! – молодка перестала стесняться, поднялась, и подошла к плетню ближе, – А ще у нас на Суроже такой обряд е: капусту когда саджаэш, тоже так гузкой сидаэш у землю поглубче, та тройчи разкоу говорыш: «Вирастай капуста, як маэ гузна!» Яна така и будэ, яка гузка. Ось у менэ дюже гарна вирастаэ, чоловік мой усегда нахваливаэ!

Молодуха, похоже, так вдохновилась рассказом, что опять стала задирать подол рубахи, чтобы показать, как этот хитроумный обряд проводится. На божий свет снова показались две упругие увесистые половинки, слегка запачканные землей, плавно перетекающие в тонкую верткую талию. «Да что она, раздеться догола собралась что ли?» Перегнувшись через плетень он шлёпнул расшалившуюся молодку по розовому оттопыренному задку. Та смешливо взвизгнула в ответ:

– Дзякую, диду!

– Не за что, токмо ты больше того, не озоруй больше! Ну хоть подол завороти обратно, бесстыдница!

А та и не думала подчиняться, все так же стоя к деду спиной, она дотянула подол подмышки, голышом наполовину, как и прежде:

– Чого ж бесстыдница? Я у себе на городе, що хочу, то и роблю, а вот ты подглядываешь! Спросил, чим я занятая, так топерь смотри, як бабы силу собирають!

И она снова отпечатала на грядке вместительную ямку.

– Я ешче и не так могу! – пообещала дивчина, и начала поворачиваться.

– Ой, верю, верю! – вскричал старик, и спешно кинулся прочь, подгоняемый залиvistым смехом черноокой дивчины.

Поскольку в проулке смотреть было не на что, а за заборы он теперь заглядывать опасался, Яромилыч принялся размышлять о том, как удачно он обзавелся в Синебугорске помощ-

никами. Ох, чуяло сердце, понадобятся они ему. За этими думами он и не заметил, как прошел мимо сидевшего на завалинке толстого увальня с отвисшим носом. Увалень громко чавкая, сосал петушка на палочке и то и дело облизывал липкие пальцы. Хрюкнув не хуже давешних поросят в лужах, он радостно прогнусавил:

– Гы-ы! Одноногий побирушка с шавкой! Уроды-ы!

– Что? – Яромилычу показалось, что он ослышался.

– Да он ещё и глухой! Вот урод! Иди отсюда, здесь не подают! – Увалень небрежно пома- хал в сторону своим леденцом.

Старик понял, кого он имеет неудовольствие лицезреть. Рябуха, точно жаба на нересте, вольготно развалился на скамейке, отвесив пухлые щеки. На вид ему было лет шестнадцать, но наверное на деле все же меньше. Переросток, так сказать.

– Молодой человек, вас родители не учили вежливости? – попробовал усомнить его дед.

– Ложил я на родителей, а тебе и подавно срал за пазуху! Понял? Отвали, старый бздун!

Яромилыч неторопливо огляделся по сторонам. Никого. Что ж, отлично. Подойдя к Рябуху на пару шагов, он сделал вид, что на что-то засмотрелся за его спиной, а потом, кив- нув в ту сторону, спросил:

– Это не тебя зовут там?

Рябуха перекатил петушка из-за одной щеки на другую сторону, лениво повернулся и тут же полетел кубарем со скамьи, опрокинутый ударом палкой. Яромилыч, кипя праведным гневом, стоял над ним и ждал, что последует дальше. Палочка была заведена для нового удара, который дед собирался нанести, как только засранец разразится матюками. Но тот вместо этого лишь натужно сипел, хватая себя за горло, и не делал ни малейшей попытки подняться. Из рас- пахнутого рта торчала деревяшка от сосульки, которой он подавился.

– Ну что, оставить тебя здесь подыхать? – спросил Яромилыч.

Толстый балбес отрицательно замотал головой, умоляюще протягивая руки, и что-то отчаянно хрипя.

– Помочь, говоришь?

Теперь Рябух закивал, тыча пальцем себе в рот.

– Ладно, сейчас помогу. Вставай.

Оболтус с трудом поднялся, пот градом катил по его жирному щекам.

– Повернись.

Как только Рябух повиновался, дед от всей души жажнул негодяя палкой по толстым яго- дицам. Петушок выпорхнул изо рта и обиженный рев разнесся далеко-далеко, немедленно подхваченный всеми окрестными псами. На шум из-за ближайшего забора выскочил вклю- ченный мужичок в полосатой рубаше, к которому Рябух и кинулся, тыча пальцем в деда:

– Батянюшка родненький, этот гад меня ударил! Сволочь!

Отец ловко отвесил ему затрещину, от которой детинушка укатился за калитку, и поклон- нился Яромилычу:

– Спасибо тебе, старче! Давно его надо было проучить, да все боятся люди. Может теперь хоть дойдет до него хоть что-то. Некоторых, сам знаешь, добрым словом не научишь, они за слабость это почитают, а вот кулак у них в почете. Э-хе-хе...

Ещё раз поклонившись, он запер за собой калитку и вскоре оттуда донеслись звуки, кото- рые дед однозначно истолковал, как соприкосновение кожаного ремня с чьей-то задницей. Удовлетворено вздохнув, он продолжил свой путь. Переулок в конце-концов закончился и Яро- милыч, как ему и сказали мальчишки, свернул налево. Здесь уже начиналась, хотя и замыган- ная всяким мусором, но настоящая мостовая. Дед поцокал по ней. Дома тут стояли получше прежних, покрупнее, подобротнее, сразу видно, что дальше от ворот и поближе к середке народ заселялся все зажиточнее и зажиточнее. И народ кое-какой на улицах был, хоть и немного. Одни чинно сидели на завалинках, другие шествовали по своим делам. В стороны от мосто-

вой убегали небольшие тропинки, закоулки и даже улочки меж домов. Спокойно пройти удалось совсем немного. Вдруг, откуда-то с одной из таких улочек на Яромилыча налетел какой-то человек. Он пошатнулся и непременно бы упал, если бы не ухватился за деда, как рак за добычу. Бережно поддерживая его, Яромилыч молвил, упреждая извинения со стороны страдальца:

– Да ничего, ничего.

Извинений, однако, не последовало. Впрочем, достаточно было повнимательнее рассмотреть человека, чтобы понять, почему. Перед Яромилычем стоял безумец. Самый обыкновенный юродивый, мелко сотрясаемый внутренними бесами. Был он весьма и весьма грязен, одежда же представляла собой невообразимое рваньё, скверно пахнущее и засаленное до неприличия, Редкая бороденка юродивого коряво топорщилась, руки так и ходили ходуном, лицо искажалось, глаза смотрели в разные стороны, а ноги отбивали топотуху.

– Бе-е-е! – радостно изрек безумец вместо благодарности, и показал длинный язык.

– Чего тебе, сирый? – спросил Яромилыч.

– Отдай золото! – вдруг взвыл тот, – Верни мои сокровища!

– Будя, будя, – ласково молвил дед. – Иди-ка вон, посиди на лавочке.

– Золото! Золото! Отдай мое золото!

Старик был готов пожалеть несчастного сумасшедшего, но черт возьми, до чего же тот оказался назойлив! Вместо того, чтобы проследовать к ближайшей лавке, возле чьего-то забора, куда и указывал Яромилыч, он заходил юлой вокруг деда, непрерывно теребя его за рукава и лопоча на разные лады одно и то же:

– Золото! Где мои гривны? Верни все до полущечки! Все восемнадцать тысяч пятьсот!

Жучка точно также юлой вертелась вокруг юродивого, пытаясь попасть ему под ноги, но безумец выделывал такие коленца, что скамеечка ещё ни разу не смогла этого сделать. На них уже начали озираться редкие прохожие. «Придётся дать» – вздохнул старик. Будь дело в Зибунях, он давно бы уже накостылял наглому попрошайке палкой по загривку, чтобы неповадно было уважаемых людей задирать! Мало ли, что человек Божий! Дома никто бы и слова не сказал. Но здесь, в столице, кто его знает, чем оно обернется. Стукнешь юродивого, а тебя за это – на годик в острог...

Порывшись в сумке, дед выудил гривну и дал её болезному:

– На-ка, вот, сходи покушай.

Юрод оскалился радостно и мигом сунул монетку за щеку.

– Бе-е-е!

Это, должно быть, означало у него благодарность, а может и прощание, потому как получив желаемое, он немедленно отстал, зайчиком попрыгав туда же, откуда и появился. Жучка замела землю ему вослед, а Яромилыч незаметно сплюнул в ту же сторону.

Едва зайдя за угол, откуда старик не смог бы его разглядеть, юродивый припустил со всех ног. Меньше чем через четверть часа он добрался до улицы, где обитали только обеспеченные жители города – бояре и купцы – и вошел в один из особняков, куда, видимо, имел свободный доступ. Дюжие молодцы на воротах даже отворили калитку ему навстречу, и не подумав останавливать. Скинув в сенях нищенское облачение, он умылся из стоящей здесь же кадки, шумно фыркая и разбрызгивая воду вокруг, утерся белейшего льна рушником, поднесенным румяной прислужницей, и переменяв платье, поспешил по лесенке на второй поверх. О его приходе доложили загодя, пока он приводил себя в надлежащий вид, и хотя час был не приемный, хозяин терема немедленно его допустил, ибо сведения, которые доставлял этот его помощник всегда были первостепенной важности.

В вошедшем в горницу молодце, с незапоминающимися чертами лица, но вполне пригожем, хотя бы и с точки зрения той же прислужницы, вряд ли бы кто сейчас смог признать

давешнего безумца. Соломенные вихри были расчесаны на пробор, борода уложена, лицо раскраселось после рушника, свежая наглаженная рубаша чуть ли не хрустела. Но вот обычной самодовольной улыбки сегодня, как отметил ожидавший его появления хозяин жилища, не наблюдалось. Да и движения вон какие-то дёрганые.

Грузный боярин в златошитом облачении, развалившийся в кресле из красного дерева, украшенного перламутровыми вставками, выпростал из прорези долгого рукава свою холеную белую руку, протянув её посетителю для поцелуя. Тот почтительно встал на одно колено и приложился к тяжёлому золотому перстню. «Ничего, – подумал молодец в который уж раз, – когда-нибудь и у меня будет такое же. И это мне будут лобызать руку, а не я...». Боярин указал ему на скамью подле себя и первым соизволил спросить:

– Ну, что у тебя, Проворко?

Он немного пришепetyвал, и прозвучало это как «Ну, фто у тефя, Профорко», но те, кто с ним общались достаточно долго волей-неволей приучались понимать его речь. И не фыркать в воротник, когда боярин особенно потешно коверкал какое-то слово. Насмешек боярин не терпел.

Провор настолько хорошо соответствовал своему имени, что оно казалось прозвищем. Впрочем, никто не мог поручиться, что знал настоящее имя этого человека. Он принадлежал той незаменимой породе людей, что могут, за подобающую цену, помочь богатым и знатым людям в затруднительном положении. Внешности он был самой обыкновенной, простой сухощавый парень среднего росточка с незапоминающимся лицом. А меж тем, ему не составило бы труда без веревок и кошек вскарабкаться в окно хоть на третьем поверхе, оторваться от пешей или конной погони, превратить в смертоносное оружие любой предмет, будь то миска или скамья, или без оружия одолеть вооружённого противника. Он метко стрелял их лука и метал ножи, топоры, камни – да всё, что можно с толком метнуть. Все его наниматели неизменно оставались довольны.

На этот раз дело Провору досталось совсем пустяшное – проследить, не объявится ли в городе одноногий старик с зибуньским говором. С такими-то приметам и не найти?! Для начала Провор *договорился* со всеми начальниками привратной стражи, чтобы те велели своим подчиненным глядеть в оба, да и сами бы не дремали. Золота было не жаль – за все платило *Общество*. Однако на одних только стражей он полагаться не стал. Мудрые глаголют: «Хочешь сделать хорошо, сделай все сам».

Одним из важных навыков Провора было умение менять личность. Для того, чтобы «работать» в толпе, Провор избрал обличье юридивого. В захолустье, где все друг друга знают и местные дурачки наперечёт, это бы не сработало, а в таком здоровущем городе, как Синебугорск, лучше личину и не выдумать. От дурачка, нездешней силой битого, добрые люди никаких пакостей не ждут. Что убогий может сделать? Ну, рожу скорчит, но, облает (матюгами или попросту – по-пёсьи), ну, тряпьё задерёт и задницу покажет. А меж тем у гугнивого полудурка и ножик припасён, которым умеючи можно кольчугу пробить, и удавка из кручёной шелковинки (насмерть задавить или обездвижить – это уж по обстоятельствам), и ещё много чего полезного при себе имеется. Опять же, если ты нарядишься квасником или там разносчиком калёных орехов, твою рожу могут и запомнить. А к уличным дурачкам стараются не приглядываться. Противно смотреть на слюнявого, сопливого, косоротого, да и... хрен его знает, вдруг у него чёрный глаз? Вот то-то. Юродивый может полдня ошиваться возле ворот нужного ему дома, и никто не заподозрит в нём соглядатая. Разве что собрат по тайному ремеслу. Но тут надо меру знать и не переигрывать...

Трудно было бы в одиночку уследить за всеми двенадцатью воротами Синебугорска. Но, во-первых, со стороны Зибуней можно было прибыть от силы лишь через трое из них. А во-вторых, за годы работы у Прохора выработалась знакомая всем ворам и сыщикам *чуйка*, которой он доверял. Она подсказала ему сократить до двух ворот. Так вот он и метался уже второй

день между ними то туда, то сюда, надоев, наверное, всем торговкам, ибо, по старой памяти, не гнушался утащить с прилавка калач, или там, копченого леща. Он мог, конечно, купить себе перекус... но мелкие хищения помогали поддерживать образ убогого бродяжки. Да и не стоило забывать старые полезные навыки.

Провор был «ловчилой». Год назад он так о себе и заявил бы, случись кому спросить его о том, чем тот добывает себе на хлеб. Среди хитрованистого народа, живущего исключительно за чужой счет, ловчил было немного. И Провор с гордостью мог сказать о себе, что он ловчила не из последних. Однако, теперь все изменилось.

Своей работе Провор всегда отдавался целиком, вкладывая в очередную «разработочку» (так он называл заказы) всю свою душу. Но те, кто полагал, что она составляет смысл его жизни, глубоко, очень глубоко заблуждались на этот счет. Он просто работал, проводя время в ожидании, когда же Велес, дедушка всех хитрованов, укажет ему где и когда лучше свернуть с этой дорожки, дабы начать новую безбедную жизнь, в каком-нибудь новом качестве. С его-то недюжинными задатками и быть лишь тем, кто разгребает чужой навоз?! Нет уж! Вот придет его время...

И время это пришло, не подвел Хозяин Тайн. Пару раз в руки Провора попали любопытные грамоты со странными печатями в виде вписанного в круг треугольника, внутри которого, в свой черед, был вписан человеческий глаз. Потом ему довелось обнаружить, что некоторые из его заказчиков носят перстни с таким же знаком. Несколько осторожных, тщательно продуманных вопросов, заданных нужным людям, и вот уже от грамот и людей потянулась ниточка к разным, весьма значимым событиям в столичной жизни. Что-то могло пойти так-то и так-то, развивайся бы эти события своим чередом, но нет, задействовались какие-то рычаги, и все выходило по другому, так, как было нужно владельцам таинственных перстней. Что там говорить, его, Провора, «разработочки», как он однажды подсчитал, трижды оказывались напрямую связаны с этими делами. Вывод был однозначным – в городе действует какое-то тайное общество! Даже не общество, а – *Общество!*

Когда подозрения окончательно переросли в уверенность, он решил все поставить на кон и, заявившись к одному из носителей перстня со знаком, напрямую заявил, что знает об их существовании и, более того, хочет вступить в ряды общества. Этим представителем *Общества* и был боярин Хитрово, всесильный глава Пыточного Приказа, сейчас вальяжно развалившийся перед ним. Главы *Общества* посоветались и решили принять к себе ретивого ловчилу в качестве начинающего, «подмастерья». Существовало и другое название, жутко не нравившееся Провору – «профан». Было в нем, как ему казалось, что-то такое издевательское. Над ним провели обряд посвящения, жуткий и мрачный. Вслед за другими «профанами» он талдычил какую-то чушь: «*Клянись, во имя Верховного Строителя всех миров, никогда и никому...*». Провор до сих пор вспоминал об том обряде с содроганием.

Хитрово стал его, как это было принято называть в *Обществе*, «мастером», или попросту говоря, наставником. Сам себя думный боярин предпочитал называть хозяином, хотя в строгом распределении *Общества*, он, как уяснил себе Провор, тоже считался чьим-то «подмастерьем», и до уровня настоящих хозяев, тех самых глав, пока ещё не дотягивал. На вершине, в этом не было ни малейшего сомнения, вообще сидел один человек. Хитрово, в конце-концов, подтвердил это, после многочисленных его вопросов. Главного называли «Верховный Генерал-Инспектор». Провор с трудом запомнил это мудреное именование. Кто был этим «Инспектором» он, естественно, даже не догадывался. В *Обществе* все обращались друг к другу как к брату, – «брат Всегор», «брат Любомир» – но Провор весьма сомневался, что кто-то мог запросто назвать «братом» самого «Инспектора».

Цели и задачи *Общества* были ему не понятны, да никто особо и не спешил объяснить их новичку. И честно говоря, Провору было на все это глубоко плевать. Главное, что цель и задача имелась у него самого – власть. А для этого следовало прорваться через всех этих «храните-

лей зданий», «верховных командоров» и «великих зодчих» на самый верх, или хотя бы как можно ближе к нему. Все эти тайные знаки, мастерки, угольники, отвесы, дурацкие обрядовые молоточки, смешные передники, вызывали в нем раздражение. Он что, каменщик, что ли?! А ненароком подслушанные им мутные разговоры «старших мастеров» о необходимости переустройства мира согласно Божественному промыслу, разве это не бред?!

Не нравилось Провору ещё и то, что «братья» отзывались о богах вообще с пренебрежением, хотя и свято веруя в какого-то единого Бога, «Строителя», и «Созидателя». Нет, в целом и это было ему безразлично, пусть люди верят во что хотят. Но они ведь вместе со всеми Богами смеялись ещё и над Велесом! Дедушкой всех воров, кидал, ловчил и так далее! Этакая наглость не укладывалась в его голове. Ну да ладно, главное пробиться на верх. А там поглядим.

После вступления в *Общество* в жизни Провора изменилось немного. Он все так же выполнял чьи-то заказы по всему городу, строил каверзы и ловушки, воровал грамоты, подкупал кого нужно. Вот только теперь за спиной у него стояли могущественные покровители, *Общество*, щедро помогавшее своему «брату» прямым доступом в княжескую скарбницу. А в таком разе, чего же не облегчить себе работу, позолотив руку исполнителям, – тем же начальникам привратной стражи. Правда, дела теперь стали делиться на свои и чужие, чего раньше никогда не водилось. Раньше все дела были чужими, и Провор просто работал над ними. Если хотел. А если не хотел, то заворачивал заказчика с его предложением.

Свои же дела, это те, которые требовались *Обществу*, и от которых он отказаться уже не смог бы. Выискивание старика было как раз одним из таких поручений. Некоторое время тому назад Провору уже пришлось поработать над этой «разработочкой». Чтобы остановить некоего пронырливого старикашку «старшие мастера» потребовали выяснить у ханьских купцов, правда ли, что у них имеется некий деревянный человек «Ши Жен», движимый то ли волшебной, то ли диковинными зельями, то ли каким-то хитроумным устройством. И если такой имеется, то не продадут ли его? Выспрашивать следовало осторожно ибо, если деревянный человек и впрямь существовал, его необходимо было достать в любом случае, даже если ханьцы откажутся от продажи. Ши Жен существовал, – Провору показали как он движется, – но для продажи не предназначался. В ту же ночь сарай, где обрелся Ши Жен, сгорел дотла. Деревянного человека, правда, там уже не было – среди ханьцев отыскан парень с пониманием, жадный до дармового золота и не слишком щепетильный. Из переговоров «мастеров» Провор уразумел тогда, что Ши Жен будет выряжен дедом и отправлен на задание, дабы перехватить искомого старикашку. И вот теперь его послали высматривать у ворот, что означает лишь одно – деревянный человек не справился...

Работа оказалась плёвой. Вычленив старика в толпе, Провор уже не выпускал его из виду. Это был единственный одноногий, что встретился ему, и теперь надо было улучшить возможность, чтобы послушать его речи. Когда дед болтал с какими-то мальцами во дворах, стало окончательно ясно – это он. Зибунское «ёканье» выдавало его с головой. Однако это было ещё не все. Хитрово говорил про какую-то книгу, и теперь следовало приблизиться к старику вплотную, дабы выяснить, имеется ли в его сумке нужная вещь. Разыграв на улице представление «юродивый и прохожий», Провор успел незаметно ощупать суму, висевшую у деда на плече. Что-то похожее на книгу там несомненно имелось. Теперь можно было и поторопиться с донесением. Следить, куда направляется старик ему не было никакой необходимости. Дед выспрашивал у мальцов про Ярыгин «Красный мухомор», так что это было очевидно.

Провор присел на краешек скамьи, и начал рассказывать.

– Я его заметил потому как шум начался в толпе. Гляжу в ту сторону, а там дед, подходящий под описание. Спрашиваю: «чего за шум-то»? Отвечают, «а вон у иноземца спроси». Был там один из приезжих, богатый, толстый, и орет, как резаный. Сам-то я к нему в обносках своих лезть не стал, а начальника тамошней стражи направил, чтобы узнал, в чем дело. Пока старик в толпе застрял, – сами знаете, каково у нас возле ворот-то, – жду, чего служака

мне в клювике принесет. Тот быстренько обернулся. Оказалось, что богатей этот, Луи-Мария-Андрэ, по прозвищу Франфрукт-на-Рейне...

– Это город, – поправил его Хитрово.

– Луи-Мария-Андрэ?

– Нет. Франфрукт это город. И вообще, правильно говорить «Франкфурт». На речке он стоит. Не помню на какой.

– Может, э-э, на Рейне?

– Да какая разница!

– И впрямь. Ну так вот, этот Луи-и-так-далее увидел у старика в руках редкую собачку породы «бульонка»...

– Болонка!

– Э-э?..

– Не важно, продолжай.

– В общем, он захотел её купить, а собака его укусила.

– И все?

– Да, собственно, это все. Я понял, что ловить тут нечего, старина Луи никак со стариком не связан, и в пыточную тащить его не обязательно.

– Не стоит так отзываться об уважаемом торговце Луи-Мария-Андрэ, который даёт в городскую казначейницу налогов на две тысячи гривен в год, – мрачно молвил боярин, и с Провора разом слетела всяческая шутовливость.

Собравшись, он быстро изложил остальную суть дела: кто, что и где. Боярин позвонил в колокольчик, на звон которого в горницу вошел Бориска, его правая рука и личный охранник.

– Нужно направить княжескую младшую дружину в «Красный мухомор». Срочно! Он там.

Судя по тому, что охранник не стал уточнять, о ком идет речь, ему и так все было известно. Коротко кивнув, он исчез за дверью, подгоняемый напоминанием: «Срочно!» Следом за ним Хитрово отпустил и Провора, предупредив, чтобы тот сейчас не брал ни от кого никаких новых дел, и был всегда под рукой.

Чтобы добраться до Ярыгиного подворья, старику понадобилось ещё с полчаса. «Да уж, „недалеко“, – невесело думал он, вспоминая слова мальчишек. – Их „недалеко“ по сравнению с нашим ни в какое сравнение не идет. Сколько ж тогда по их меркам считается большим расстоянием?..» Вообще-то, дорога сюда вела другая, более удобная и расположенная напрямую от ворот, но Яромилычу «повезло» добираться кружным путем. Хотя, с другой стороны, встреча с мальчишками, это все ж таки был счастливый случай.

Припомнив диковинное название двора Ярыги, Яромилыч подивился было тому, почему ж Грибан не сказал о нем? Постоялый двор Ярыги, и все, и про название молчок... А потом сообразил – ну, конечно же, станет ли тот, чье имя «Грибан», говорить про «Красный мухомор», не опасаясь быть осмеянным! Пока Яромилыч улыбался этим мыслям, ноги вынесли его прямо ко двору. За невысоким забором, сделанным скорее просто для красоты, нежели для охраны, возвышалось бревенчатое сооружение покрытое обычной дранкой, но выкрашенной в красную краску с белыми пятнами, ни дать ни взять – мухомор. В подтверждение сложившегося образа, присутствовала и качавшаяся на двух цепях дубовая вывеска с соответствующим названием.

«Надеюсь, тут подают пиво, а не настойку на мухоморах, которой балуются бермяки на Севере!» – усмехнулся про себя дед.

Двор оказался небольшим, уютным местечком, где гостевал и столовался разный приезжий люд, лошади и повозки которых стояли тут же возле пристройки, которая здесь была за конюшню и хозяйственный сарай. Яромилыч прошёл через калитку, пересёк замошен-

ную площадку перед входом и остановился у двери. Потрогав гладкие липовые доски, старик немного постоял, прислушиваясь ко внутренним ощущениям. Деревянная нога вела себя спокойно. Вроде, всё тихо. Дед поправил сумку, перекинув её за спину, подхватил на руки Жучу, тут же принявшуюся барахтаться, и... снова замер на пороге, с содроганием припомнив вдруг «Кровавую Лапу». «Ну да, ничего, Заяц наведет там порядок» – подумалось ему. Потянув за тяжёлое и местами вытертое до блеска медное кольцо на двери, Яромилыч вошел внутрь, набрав побольше воздуха в лёгкие.

И совершенно, как оказалось, напрасно. Внутри вкусно пахло готовкой и хмельком. Не сказать, что здесь было так уж чисто, красиво, и опрятно, но зато постояльцы чинно сидели за столами, негромко переговариваясь, никто не шумел. Наблюдалось и несколько корчемных голей – рваных, невымытых, нечесанных мужичков, пропившихся до последней нитки, постоянно обретающихся при корчме и надеющихся лишь на одно – что им вдруг да и перепадет дармовая выпивка. Ни грошей, ни закуски им не требовалось вовсе, лишь бы было чего выпить. Но и голи вели себя вполне пристойно, тихо гужуясь в отведенном для них углу.

Дед осмотрелся. Грибан обещался здесь быть, однако его вострая голова нигде не просматривалась. А ведь обещал быть. «Может, бродит где по делам? Не сидит же он в ожидании меня. Или вообще ещё не приезжал» – задумался Яромилыч. Ответ пришел сам собой. Увидев нового посетителя, из-за стойки показался хозяин местечка, он же по совместительству и корчмарь – Ярыга. Невысокого росточка мужичок, коренастый и широкий, коротко остриженный, с вислыми черными усищами и разбойничьего вида бородой от уха до уха. Внимательно осмотрев деда, он двинул ему навстречу, подхватил за локоть железными пальцами, и отвел к столику, находящемуся в самом темном углу. Причиной того, что старик безропотно пошёл с ним, было то, что Ярыга, приблизившись вплотную, незаметно шепнул ему:

– Ты – Яромилыч из Зибуней?

После этого оставалось только кивнуть и идти, куда он укажет. Усадив старика, Ярыга сел напротив и некоторое время смотрел ему в глаза.

– Тебе письмо тут, – наконец заговорил он. – Один наш общий знакомец передал. Вот, держи. От себя добавлю, хоть ты ещё и не читал его, – лучше здесь не задерживайся. Худого не подумай, я со двора не гоню. Просто тебе ж лучше будет. Какие-то шустрики насчет тебя любопытствуют.

Яромилыч обернулся через плечо, глянув в сторону понуро сидящих голей. Перехватив его взгляд Ярыга отрицательно мотнул головой:

– Эти нет, это, можно сказать, свои.

– Тогда кто, разбойники? – спросил дед, надеясь, что это как-нибудь связано с его репутацией в Воруи-ногу.

– Да нет, другие. Попройдошестей, что ли. Скользкие такие морды...

Кто-то из постояльцев окликнул Ярыгу и он пошёл глянуть, в чем дело, оставив старика читать послание. Развернув бересту, Яромилыч углубился в разбор корявого почерка Грибана. Тот писал сбивчиво, явно второпях.

«Творится что-то очень странное, Яромилыч. Я прожил здесь неделю, и с первого же дня, сразу после того, как я рассказал Ярыге, что ожидаю тебя, за мной начали следить. Похоже, кто-то подслушал и вот теперь постоянно ходит за мной, примечают, с кем я встречаюсь в городе. Замучили, чтобы не сказать хуже! Дошло уже до того, что я начинаю подозревать любого, кто оказывается со мной за одним столом, рядом в очереди или за спиной, что он здесь не просто так, а по мою душу. Точнее – по твою. Мои приятели, из тех, кого выследили эти сволочи, во время наших встреч, рассказали, что к ним приходили из княжеской охранки и выспрашивали, не знаком ли им некий одноногий старик с зибуньским говором? Тутушние нас, оказывается, по говорам отличают. Комарьевцы „окают“, мшанцы „акают“, а мы, зибуныцы, будто бы „ёкаем“. Чтoб у них потроха ёкали! Брехуны! Ну да это не важно. Главное, я надеюсь ты и сам

понял, кого ищут. В общем, я тебя предупредил, и теперь ворочу назад, от беды подальше, чего и тебе советую. Грибан»

Пока Яромилыч читал, на его столе как-то сама собой появилась миска густой наваристой похлебки, каша с мясом и ломоть хлеба. Не осознавая того, что делает, он умял оба блюда даже не заметив этого. «Вот ведь как, – раздумывал дед, – и дня не удалось передохнуть, опять суета какая-то затевается. Никто и не сомневался, что так и будет, но что-то больно уж скоро. Ищут, выспрашивают...»

На миг ощутив себя Воруй-ногой, лихим и неуловимым разбойником, он чуть не взвыл: «Обложили со всех сторон, суки! Да, волки мы, мы собак не боимся!» Но тут же одернул себя: «Тпру! Это из какой-то песни, кажется. Хорош уж бывалого из себя строить. Будя». Мысли старика перескочил на Любаву: «Вот бы ты от души повеселилась, увидев меня разбойничьим главарем! О-хо-хо. Любавушка, в осиное гнездо лезу ведь, а зачем, про что – не знаю. Ведьмочка моя, хоть бы весточку о себе дала какую, подсказала бы, что дальше делать... Колечко, что ли, заморочное одеть, чтоб меня потеряли из виду?»

Появившийся словно из ниоткуда Ярыга быстро убрал опустошенную посуду, и молвил: – А это – собачке твоей! – и положил перед носом у Жучки большую отварную кость с мозгом.

– Не будет она, – ответил старик.

– Болеет? – нахмурился Ярыга. – Что ж ты, дед, с хворой животиной ко мне заявился?

Тут люди трапезничают...

– Да нет, не болеет, – успокоил его дед. – Собачка у меня не простая, редкой породы.

Ей особые корма полагаются.

– «Рыгал-Кониная», что ль?

– Она самая.

Жучка и впрямь не стала есть. Недоумённо постояв над гостинцем, она отошла подальше и легла. Дед полез в сумку, желая расплатиться за еду, но Ярыга удержал его руку:

– Ничего не надо. Друзья Грибана – мои друзья.

– Ну, тогда, мил человек, прими хотя бы мою благодарность. Все было весьма вкусно!

Довольно кивнул, Ярыга снова спрятался за стойку, а Яромилыч снова вернулся к своим грустным мыслям: «О чем бишь я? Ах, да, кольцо...» Так и держа перед собой письмо Грибана, другой рукой он принялся шарить по сумке в поисках волшебной безделушки, но тут же забыл обо этом, вздрогнув от неожиданности – по тыльной стороне письма вдруг сами собой стали появляться буква за буквой!

«Вятшенька, милый, („Она! – возликовал Яромилыч, – весточку дает!“) колечко заморочное одевать не спеши. Такие кольца лишь на двенадцать одеваний на палец рассчитаны. У твоего силы только на один раз и осталось. Побереги его. Я ворожила на тебя: вышло, что помочь тебе может только чужеземец. Но кто он, где его искать – про то не знаю. Когда его увидишь, ты сам поймешь, что это он...»

Под конец письма буквы становились все более неуверенными, нажим невидимого писала слабел и слабел. Волшба, должно быть, отняла у Любавы много сил. Яромилыч думал, что это и все, что ведьма смогла ему передать, но тут береста трепыхнулась ещё раз, разродившись последней строкой: «Держись, лада мой, ты справишься...» Яромилыч улыбнулся, отчего морщинки у глаз разбежались лучиками: «Лада мой!» Сердце радостно забило в груди. Дед сейчас и впрямь ощущал, что справится с любой трудностью, одолеет любого врага! Да хоть самого Чернобога! Но тут в ногу у него отчаянно закололо, и улыбка старика медленно погасла.

– Э, хозяин, тута дружинники к тебе идут, – молвил с порога какой-то толстячок, покинувший было заведение. – Толпа целая!

Удивлённо потрянув головой, он быстро выскочил наружу, явно желая оказаться подальше. Ярыга мигом подлетел к выходу и выглянул наружу. Первого сунувшегося дружин-

ника, молодого холёного щеголя, что блестел кольчугой словно рыба чешуёй, он остановил, уперев ему ладонь в грудь. Тот удивлённо похлопал ресницами, а потом звонко, почти по девчачьи воскликнул:

– По какому праву мешаем исполнять высочайшее княжеское повеление?!

– Не видел никаких листов, удостоверяющих это, – с издевательской усмешкой отозвался корчмарь.

– У нас устное распоряжение изъять из данного питейного заведения одноногого старика с сумкой и собакой на привязи! Прочь с дороги! – Молодчик петушился не на пустом месте, за его спиной грозно сопел отборный отряд.

– Иди-ка ты!.. – Ярыга ухватил щеголя за ухо, крутанул дружинника на месте и отбросил вон. И тут же, ухватившись за край двери, рывком захлопнул её прямо перед носом у следующего сунувшегося дружинника, вдарив того по лбу. За дверью охнули, а потом послышался звук падающего тела. Задвинув засов, Ярыга перевел дух:

– Вот навалились, стервецы! Уважаемые постояльцы, вам всем лучше на время удалится по своим каморам, ибо сейчас здесь будет жарко!

Постояльцы негромко переговариваясь, поспешили последовать его совету. Никто и слова поперек не сказал – либо знали крутой норой Ярыги, и предпочитали сейчас ему под горячую руку не попадаться, либо стычки с дружинниками здесь были явлением довольно частым, которое лучше всего было переждать в укрытии.

– Там чуть ли не цельный полк прислали! – кипятился Ярыга. – Похоже, старче, навёл на тебя кто-то... Будем выкручиваться. – Корчмарь почесал в затылке. – Та-а-ак... – он обернулся к кабацким голям. – А ну-ка, витязи запечные, кто хочет заработать шкалик?

На вопрос корчмаря вскинулось с десятков кудлатых голов.

– Шкалик?! – просипел один, трясущийся и весь какой-то засаленный, то ли дед столетний, то ли парень молодой. – А что за работа?

– Железнолобым бока намять, ясен-красен, – утерев сопливый нос, вместо корчмаря ответил другой кабацкий завсегдагай. – Так ведь? Согласные мы.

– Чур шкалик вперед! – загомонили голи наперебой.

С сомнением оглядев своё «войско», Ярыга хмыкнул, продолжая придерживать плечом дверь, сокрушаемую ударами снаружи:

– Слабоваты ребята, недолго простоите. Был бы здесь Мякиш...

– Да тут он! – отозвались голи. – За печкой дрыхнет, сурок свинячий!

Яромильч бочком придвинулся к печи и одним глазком глянул в темный проём меж кирпичной кладкой печи и стеной. Точно, там кто-то беззастенчиво спал, словно медведь в берлоге, исторгая храп из самой глубины души. Корчмарь подозвал двоих пьянчужек и поручил им придерживать дверь, а сам пододвинул старика в сторону и, взяв кочергу, невежливо потыкал ею в темноту.

– Уйди, зашибу! – проворчало оттуда.

– Мякиш, вылазь, дело есть.

– Дела подождут. – Соня, судя по звуку, перевернулся на другой бок и утих.

– Мякиш, етить тебя за ногу, хозяин наливает! Шкалик! – принялись подзуживать голи.

В их дребезжащих голосах было столько невыразимой страсти, а слово «шкалик» они произносили так сладострастно, что Яромильч поневоле поверил, что шкалик – это и впрямь *такая вещь!*

– Мякиш у нас о-го-го, – пояснил старику Ярыга. – Из бывших записных бойцов. Один против десятерых выходил! За это дело подносить принято завсегда, вот и спился мужичище...

– Мякиш, ну так что насчёт шкалика?!

– А чего надо-то? – уже более заинтересованно пробубнил запечный житель.

– Мордобой намечается! С княжеской дружиной! – Голи прямо пританцовывали на месте, но вряд ли в предвкушении драки, скорее уж всё таки дело было в пресловутом шкалике.

– За шкалик?! Ну на фиг! – Мякиш снова занырнул поглубже за печь.

– А за три? – надбавил корчмарь.

По заведению прокатился завистливый стон голей. Но Мякиш был непреклонен:

– На фиг!

– Четыре?

– Четыре раза на фиг!

– Мякиш, я тебе половину долга спишу. – Корчмарь был, похоже, не на шутку обеспокоен тем, что дверь уже подпрыгивала на петлях, грозя вот-вот слететь долой.

– Половину?! – боец удивился неслыханной щедрости. – Это другой разговор!!! Уже лезу.

Из поёма полетели хлопья копоти, а следом на карачках выполз долгожданный Мякиш. Детинушка был великанского роста, даже не поймешь сразу, как он там в запечной щели умещался. Должно быть, согнувшись в три с половиной погибели. Засаленные кудлатые космы торчали во все стороны, борода напоминала воронье гнездо, а сам он был весь какой-то словно припорошенный пылью, и грязнущий настолько, что от зловонючей волны, набежавшей от Мякиша, даже ко всему привычные голи прыснули врассыпную. Богатырь сладко потянулся, напомнив медведя после спячки, тряхнул головой, с хрустом размял пудовые кулачищи, потом неторопливо обвел всех мутным взглядом и протянул вперед закопченную ладонь.

– Чего тебе? – не понял Ярыга.

– Шкалик. Один сейчас, для разугреву, а три остальных – после.

– Так мы ж про половину долга говорили...

– И половину долга тоже не забудь.

Корчмарь махнул рукой половому и тот мигом разлил по кружкам вина, голи спешно подскочили к стойке, одним махом влили в себя содержимое и дружно выдохнули:

– Благодать!

– Мать, мать, мать... – привычно отозвалось эхо в углах корчмы.

– Ещё бы по одной... – мечтательно протянул кто-то.

– После того как с этими, – корчмарь кивнул в сторону двери, – разберётесь, так может ещё по одной и выйдет.

– Ну чего, пошли, что ли, братцы? – рыгнул Мякиш.

– Если братцами называет, значит всё, пощады не жди... – пояснил Яромилычу корчмарь.

– Давай! Навали! – загомонили разгоряченные голи. Вот теперь было видно, что они рвутся на молодецкую забаву не по воле Ярыги, а по собственному хотению.

Мякиш рванул на груди остатки засаленной рубахи, содрал дверь с петель и с рёвом «Па-анесла-а-ась!», первым кинулся наружу.

– Всё, теперь ходу! Ребята вряд ли задержат их надолго. – Корчмарь схватил старика за рукав и потащил за собой в подсобку. Яромилыч едва успел подхватить Жучку подмышку и закинуть сумку на плечо. Вослед им неся радостный громоподобный хохот Мякиша и нестройное подголосье голей, состоящее из отборнейшей матерной брани.

– А шкалик – это сколько? – любопытствовал Яромилыч на бегу.

– Осьмушка, – обронил через плечо запыхавшийся Ярыга.

– Не разорительно, столько народу задарма напоить?

– Чепуха. Разбавлю пару бочек водой, тоже на тоже и выйдет.

– А с дружинниками как же разбираться будешь?

– Скажу, что принял их за оборотней в доспехах.

– Это как? – поразился старик.

– Ну, за налётчиков, что под княжеских воинов рядятся. Те ещё черти! Придут такие, скажут: «обыск»! И пойдешь откажи им, они ж вроде как на службе, по велению княжескому! Ага! Как же! Пустишь таких, а они тебя гирькой по темечку, и пока ты в себя придёшь, вынесут из дому всё что нажито.

– Да уж...

Пробежав подсобку, кладовку, поварню и склад, они спустились в погреб и побежали дальше, мимо рядов бочек, источавших умопомрачительные винные запахи, мешков с припасами и каких-то беспорядочно расставленных ящиков. От сводчатых кирпичных потоков гулко отзывалось эхо их шагов. Разбросав у грязном углу какую-то ветошь, Ярыга нащупал железное кольцо, потянул его со всей силы, и крышка люка, натужно скрипнув поддалась. Из проёма пахло могильной сыростью и ещё каким-то неприятным запахом.

– Нам сюда! – Корчмарь запалил огарок сальной свечи, и осторожно спустился вниз по гнилой лесенке. Судя по чавкающим звукам, он ступил в воду. Яромилыч сошёл следом и сразу же притопил лапоть, под ногами слабо струился холоднющий ручей. – Это чудо градостроительной мысли, синебугорская водосливочная канава, идёт под всем городом. – Отзвук его голоса разнесся, утроившись где-то вдалеке. Дальше ты уж один, дед, мне назад надоть, присмотреть, как бы не разнесли заведение в щепки. Вот запас свечек, на всякий случай даю десяток. Сейчас иди прямо, пропусти шесть поворотов налево и три – направо, только потом сверни налево, здесь и будет выход прямо под Перуновым храмом. Тебе, хорошо бы с Подпольем связаться, да сейчас, увы, времени на то нет...

– Слышал я уже что-то про Подполье ваше...

– Они как и ты, против князя.

– Да я, вроде как, ничего против него, вашего Володаря, и не имею...

Но Ярыга уже не слушал его. Пожав старику ладонь, он выбрался наверх, кивнул на прощанье и прикрыл люк. Яромилычу показалось, что темень вокруг как-то сразу сгустилась ещё больше. Он спрятал свечи в сумку и вздохнул:

– Ну, делать неча, Жучка, будем выбираться.

Скамеечку пришлось опустить с рук прямо в воду, иначе идти было не удобно – в одной руке дед держал свечу, другой нащупывал путь перед собой при помощи верной палочки. Животинка радостно зашлепала по ледяной воде, подняв тучу брызг, и Яромилычу пришлось напомнить себе, что она не из крови и плоти, и насморк ей точно не грозит.

«Пропустить слева, э-э-э, шесть поворотов, а справа – три. Или наоборот? Три слева, шесть – справа? Он ещё пять чего-то там называл», – Указания Яромилыч выслушал не очень внимательно, и теперь силился вспомнить, о чём ему говорил Ярыга. Увы, от сосредоточенных размышлений путаница только увеличивалась. Три, шесть, пять, это точно. Но чего и куда? Эх... Вернуться назад он не смел, ибо вряд ли смог бы найти то место, где они спустились сюда. Оставалось идти вперед, пока есть свечи, а там уж будь, что будет. Авось где какой выход отыщется, лесенка опять какая-нибудь попадётся, или ещё чего...

Нога давно уже свербила, но тем не менее нападение Яромилыч пропустил, ибо совершенно некстати вспомнил родные Зибуня, дом свой, Любаву. Замечтался, одним словом... Какая-то мерзкого вида тварь выскочила словно из ниоткуда и клацнула перед его носом зубами, чуть-чуть промазав. Старик отпрянул назад, выставив палочку вперед, и присмотрелся, кто ж это такой-то?

– Ёжик? – удивился он, узрев на спине у неизвестного зверя торчащие во все стороны довольно внушительные колючки, и, взяв палочку подмышку непроизвольно протянул свободную руку вперед, как бы желая его погладить. В детстве Яромилыч любил этих смешных собирателей грибов, смекалистых и трудолюбивых. – Ёжик... – тихонько позвал он.

Тварь угрожающе зарычала, недобро посверкивая глазами. Размером она была Яромилычу примерно по колено, длиной локтя в три, если не считать хвост, черные колючки на спине топорщились, маслянисто поблёскивая.

– Ёжик, а ёжик...

Дед только и успел испуганно отдернуть руку назад, когда острые как лезвия ножей клыки полоснули по рукаву, разорвав его в лохмотья. Промахнувшись и на этот раз, тварь плюхнулась в воду брюхом, разбрызгав вокруг вонючие потоки. Фыркнув, она отряхнулась, и стала примеряться для нового прыжка. Выскочившая из-за Яромилыча Жучка случайно налетела на колючего зверя и тот, по-змеиному зашипев, присел на своих коротких лапках, озираясь то в один бок, то в другой, стараясь не упускать из виду ещё и нового врага. Яромилыч взбодрился, поняв, что «ёжик» испугался, и теперь вряд ли станет нападать. Перехватив палочку поудобнее, он пригрозил ей зверю:

– Ну! Смотри мне!

Осмелев, он даже сделал пару шагов в сторону твари, и та торопливо отползла назад, шипя и нервно суча длинным голым хвостом во все стороны.

– Боишься? Ну, то-то же...

Нарастающий топот маленьких лапок, шлёпающих по подземному ручью, отвлек его внимание.

– Что за чёрт?

Жучка подскочила ближе и испуганно прижалась к его ноге. Дед обернулся на шум, позабыв про оставшуюся за спиной тварь, и принялся щурить глаза, силясь разглядеть, что это там движется в темноте. Свеча давала возможность увидеть едва лишь на пять шагов вперед, а все, что было дальше, так и оставалось сокрыто. Горячий воск заливал ладонь, но дед не обращал внимания на обжигающие капли, замерев в томительном ожидании. Топот становился всё громче, хотя и не стал отчётливее, словно у спешащих сюда были мягкие лапы. Лапы?!?! И Яромилыч понял, КТО спешил сюда – собратья притаившейся за его спиной твари!

– Беда, Жуча, – молвил он, наклонившись, чтобы погладить скамеечку. – Беда. Не убежать нам. Чего ж делать-то? Любаву спросить, может? И впрямь, спрошу.

Яромилыч зажмурил глаза, затаил дыхание в груди, а потом словно крикнул куда-то в пустоту, но не вслух, а про себя: «Любавушка, опять у меня невзгода, твари какие-то наседают! Посоветуй, что делать...»

И Любава ответила. Где-то в дальних уголках сознания у Яромилыча отозвалось, тихо, исчезающее тихо: «Свечи... и прочитай книгу...» Старик словно нутром почувал, что на этот ответ у ведьмы ушли чуть ли не все её волшебные силы.

– Свечи? Свечи... Зажечь, что ли? Ладно, Любавушка, как скажешь. И прочитать книгу. Ага, сейчас, сейчас.

Не обращая внимания на загнанную в угол шипящую тварь, он торопливо расставлял свечи в выщерблинах осклизлой стены, и зажигал их от уже горящей. Жучка тем временем не выпускала «ежика» из угла. Когда все свечи были запалены, Яромилыч прислонил палочку рядом, чтобы была под рукой, достал из сумки книгу Велеславовых тайнословий, открыл её на первом попавшемся месте, зажмурился, перед тем как увидеть открывшиеся строки, а потом, открыв глаза, прочитал громко, чеканя каждое слово:

*И самый громкий крик
Вдруг оборвется
Тишиной...²⁹*

²⁹ Влх. Велеслав. «Роса на мече». – М.: ИОИ, 1999, стр. 54.

Тварей, что бежали сюда, все это не остановило. В неверном свете десяти свечей дед видел их косматую стену, с визгом вырвавшуюся из-за дальнего поворота. Вздохнув, он убрал книгу в суму, наклонился, чтобы погладить скамеечку, после же взял покрепче палочку и стал ждать...

ГЛАВА 4

Записки Хатэтуримо

Запись 1. «Поскольку я теперь путешественник, то буду, как это и полагается в моем положении, вести записки, в которых поведаю грядущим поколениям о всех чудесах, что я увидел в пути, и всех трудностях, что сумел преодолеть.

Страну Чхон я смог покинуть довольно быстро, буквально через полмесяца, после того, как меня задержали в порту, досмотрели все вещи, долго выпрашивали с какой целью я прибыл, на долго ли, к кому, есть ли у меня в Чхон родственники (живые или умершие), и каких я придерживаюсь взглядов. За содержание меня же в городской тюрьме платить пришлось мне из своего собственного кармана, такие вот у них удивительные правила. Я рассыпался в уверениях в моей искренней лояльности к их государю, чей сын Квон сватался сейчас к племянникам нашего Императора, и раздал много-много рё местным чиновникам, и лишь после этого был пропущен дальше, в Пустые Земли».

Запись 2. «Здесь заканчивалась цивилизация. По эту сторону – Чхон (какая-никакая, а культура), а по ту – бескрайние просторы, дикие и пугающие своей неосвоенностью. Пустые Земли на самом деле оказались не такими уж и пустыми. Народ здесь водится, и, что самое поразительное, рё у местных скотоводов-кочевников вполне в ходу. Дивясь на мою одежду (а местные ходят исключительно в вонючих козых шкурах), они сделали вывод, что я знатный человек, и здешние вожди даже поспорили, на чьей дочери я должен жениться. Кое-как мне удалось доказать, что после военных кампаний, пройдя через жуткий холод и немилосердный голод, я более не испытываю никакой тяги к женщинам. И эти слова, мой благосклонный читатель, скажу я тебе, обернулись для меня великим испытанием...

Вожди не поверили мне, и прислали разом всех своих дочерей в жилище, где меня временно разместили. Восемь красивых девушек разделась тотчас, как вошли. Горели жировые светильники и я смог разглядеть все. Глаза разбежались от этого обилия грудей и прочих округлостей. О, Аматаэрасу, только ты знаешь, как мне удалось не податься и признака волнения. За кожаным пологом заиграла музыка, и они принялись танцевать! Было это не столь красиво, как пляшут наши воспитанные девушки, не столь утонченно, но в их движениях была бездна первозданного желания и столько естественной грации, что я был готов жениться на всех сразу и немедленно. Я безуспешно твердил себе, что это варвары, то есть, дочери варваров. Что они чумазые, они не знают как вырастить бонсай и как соорудить икебану. Что им не ведомы правила сложения хайку и танка. Что нравы их грубы и незамысловаты... О, зачем я это подумал?! Только представив, какие возможности обещает мне эта самая незамысловатость нравов, моя кровь вскипела, подобно гейзеру! Бедный самурай Хатэтуримо пылал почище этих треклятуших жировых светильников, что столь подробно освещали творящееся вокруг меня сладострастное безумие!

А эти темнеющие внизу животов шелковистые треугольники, манящие взор! Руки сами тянулись прикоснуться к ним, пальцы рвались пройтись по томной плоти, разглаживая и разводя в стороны нежные складочки, таящие сокрытый в глубине источник наслаждения, и я удерживал свои непослушные конечности лишь тем, что обещал в этом случае больше никогда не позволить им коснуться рукояти катаны. Щеки жаждали прильнуть к их плоским нежным животам, соприкоснуться с нависающими поверх мягкими грудями, потом соскользнуть к талии, снова на живот и ниже, ниже, ниже... Я убеждал себя, что самурай может устоять перед любым соблазном, что нет ничего выше, кроме преданности долгу (это-то тут причем?).

Я воображал, что сижу в горах под струями ледяного водопада! Все тщетно, ещё чуть-чуть, и я бы стал одним из местных вождей...

Одна из девушек, самая юркая и миниатюрная, уже несколько раз словно ненароком касавшаяся своими набухшими острыми сосочками моего лица, отчего оно каждый раз словно загоралось огнем, была очень похожа на Митикоси. Вот за эту-то спасительную мысль я и уцепился, как утопающий за веревку. И сразу все как ножом отрезало! Нет, я не в том смысле, что вот так вот прям и все. Просто я тут же успокоился, найдя в ней ровно тысячу достоинств. Ну, и не прямо тут же, а постепенно, перебирая одно достоинство за другим, пока не насчитал их целую тысячу. За это время я и думать забыл о варварских красотках, возбуждающе колышущих своими прелестями прямо у меня перед глазами, такими манящими, словно специально созданными для того чтобы их жадно сжимать и... О, я опять отвлекся! Тысячу раз повторив имя Митикоси, я решил больше не открывать глаза. Дочери вождей запечатлели на моем напряженном челе по скромному поцелую, что-то напоследок прощепетав.

Потом я спросил у одного из местных, что немного понимал по-ниппонски, что означала их фраза. Оказалось, они были рады, что я отказался принимать их знаки внимания, и им теперь не придётся делить ложе с каким-то неотесанным варваром. Это я-то варвар! О, Амата-эрасу!»

Запись 3. «Заплатив из своих изрядных запасов рё я нанял проводника, мало-мало понимавшего по-ниппонски и по-чхонски (этим языком и я немного владел), и повозку, в которую было впряжено какое-то животное с длинными волосами на шее и сзади. Этот парень по имени Нимчыбельджан-Жамцарабо, как показало время, воистину оказался для меня драгоценной находкой. Это труднейшее словосочетание (иначе и не назовешь), которое он искренне считал своим именем, я запомнил с помощью считалки: ити, ни, сан³⁰ – Ним-чы, бель-джан; си, го³¹ – Жам-ца, ра-бо. В зависимости от настроения он по разному переводил его. Когда был весел, говорил, что имя его обозначает «Стремительный тушкан (это такая местная длинноногая мышь) с крыльями орла». Когда грустил, сообщал, что на самом деле его имя толкуется совсем по-другому: «Сирота которому не во что даже одеться». Когда был чем-то рассержен сам на себя, то почему-то называл себя «Курдюком» (я не знаю, что это такое, кажется что-то под хвостом какого-то животного) и «Задней ногой ишака» (ишак – это животное немного меньше того, что влекло нашу повозку).

Ехать нам пришлось битых три месяца. Описывать дорогу, пожалуй, не стану. Она не была однообразной, вовсе нет! То горы, то долины, то песчаник, то соленые озера, то непроходимый лес. Но мы нигде не задерживались дольше одной ночевки. Племена попадались нам разные, то дружелюбные, то не очень. Но, оценив по достоинству мой лук и катану, которую я в таких случаях демонстративно вынимал, все они решали не трогать скромного путешественника. И я со своей стороны не имел возможности ознакомиться с ними поближе. Как я уже говорил, в пути я потерял счет времени, особенно после того, как несколько (но сколько?) дней провалялся в лихорадке. Проводник, следуя моему последнему наказу, который я сделал перед тем как свалиться в лихорадке, продолжал везти меня на северо-запад. Он не только продолжил путь, хотя никто не смог бы ему помешать бросить меня одного, но и пичкал меня какими-то народными снадобьями. После того, как я встал от болезни, Нимчыбельджан показал мне несколько горшочков с вонючим варевом. А показав, выбросил их прочь. Я не стал уточнять, что это было, дабы не ужаснуться. Других же приключений о которых стоило бы упомянуть, не было.

³⁰ Раз, два, три (яп.).

³¹ Четыре, пять (яп.).

В пути меня поддерживали благородная цель моего путешествия и награда, ожидавшая по возвращении. Моя Мити... В конце концов начались земли того народа, куда я и направлялся. До самого Синь-Бао-Го-Ро-Си-Ко Нимчыбельджан меня не повез. Его животное утомилось, и дальнейший путь мне пришлось проделать пешком. Простились мы как братья. Я подарил проводнику свой лук и скрепя сердце отправился дальше, более не оборачиваясь».

Запись 4. «На дороге я встретил много народу и имел возможность рассмотреть их в подробностях. Местные варвары сильно отличаются от племен, встречавшихся мне прежде. Они белолицы, но предпочитают скрывать свой вид под косматыми бородами, совершенно такими же, какие носят и наши дикари с дальних островов, живущие рыбной ловлей. Впрочем, я их (местных дикарей, а вовсе не наших) понимаю, ибо здешние зимы это... Это нельзя описать, но ниппонцу я бы предложил представить, что однажды у порога его хижины намело бы целую Фудзияму снега!

Варвары дружелюбны, этого у них не отнимешь. Если у нас подозрительного чужака бдительные селяне немедленно сдали бы ближайшему представителю власти, то здесь ни одна живая душа не поинтересовалась откуда я такой прибыл, с какой целью и есть ли у меня верительные грамоты? А ведь я весьма отличался от них едва ли не во всем! Для того, чтобы меньше привлекать к себе внимания мне пришла в голову идея замаскироваться. Я обменялся с первым встречным варваром, отдав за его жалкие обноски своё шелковое кимоно, пусть и потершееся в дороге, но уж куда лучше того, что получил. А потом из купленного же по пути льна соорудил себе вполне пристойный парик и накладные усы с бородой. Катану я обмотал каким-то тряпьем и стал использовать вместо дорожной палки. Старательно копируя походку моего старенького учителя по владению катаной Яосицуками, так же шаркая и сурово хмурясь неизвестно чему, я полностью преобразился в почтенного старца, которому все уступают дорогу и всяко стараются помочь, ибо старых летам здесь весьма уважают.

Попав в сей город я конечно подивился его отличию от привычного для меня способа застройки, но, чтобы не прославлять чужие достижения, отмечу в его пользу лишь одно – он не намного больше нашего Киото. Ну так и быть, добавлю ещё немного подробностей. Посвоему здесь красиво, чувствуется в нем какая-то этакая северная строгость в линиях, некая грубая простота, и, в то же время, надежность. Это, должно быть из-за использования камня и огромных бревен. Воплощенный «ин» и «янь», как сказал бы какой-нибудь ханьский мудрец. Любой же ниппонец сказал бы, что это перевод драгоценных материалов. Эх, нам бы их богатства...

Немного постояв в окружавшей меня плотной толпе народу, я понял, что окончательно влип. Вокруг меня кипела жизнь, а я ничегошеньки не понимал. Добраться сюда оказалось лишь половинкой дела, причем самой маленькой половинкой. А что дальше? Ведь я не знал ни слова на местном варварском наречии. Даже просто вежливо поздороваться не смогу! И о каком же тут свершении подвига может идти речь?!

В совершенном смятении духа я мыкался по Синь-Бао-Го-Ро-Си-Ко весь день, осмотрев, наверное все местные достопримечательности: жилища богатых людей, другие въездные башни, с десяток больших и малых святилищ разным Богам. Я заходил, смотрел. Местные бонзы не хотели меня пускать, толкуя, что нужно сначала пожертвовать какой-то «гу-ри-вна». Кто его знает, что это такое? Пришлось расстаться с парочкой рё. В святилище всех Богов я нашел изображение Богини «Ра-ды» и долго молился перед ним Амагэрасу, а когда захотел зажечь Ей благовонную палочку, меня вытолкали вназад, обозвав «жертлопузым». Я ещё раз узнаю, что обозначает это слово... Но сейчас во имя Ниппон я готов снести неизвестные мне оскорбления.

В конце-концов мои многострадальные ноги сами привели меня в нужное место. В местный кабачок. Я вошел и уселся за первый попавшийся столик (увы, мой дорогой читатель, вар-

вары едят не на полу, как это принято в странах цивилизованных, а устраиваются за нелепыми сооружениями на высоких ножках). Золото – везде золото, мои рё сработали и тут. Почтенный владелец понял мои жесты правильно, и принес мне большой кувшин с... Сакэ здесь, конечно же, не подавали, а та бурда, что плескалась в кувшине носила название «мин-дао-вао-ха», или что-то в этом роде. Напротив меня довольно скоро оказался какой-то рыжий здоровяк, непрерывно хлебавший из своей посуды. Впрочем, нет, перерывы он делал, пытаюсь со мной о чем-то разговаривать. Я хоть и не понял о чем, но одну и ту же фразу, повторенную им много раз, я запомнил. Он спрашивал:

– Вот скажи мне, ханец, в чем сила?

Когда он куда-то пропал, я не приметил, ибо запьянел, увы, непристойно быстро для бывалого самурая, хотя особо на питье и не налегал. Просто через какое-то время я заметил, что проникся всеобъемлющей любовью ко всем живущим на земле людям, не исключая и местных варваров, в то время как ноги, коим надлежало нести меня вперед, дабы об этой самой любви поведать всем и каждому, перестали мне служить. А потом я и вовсе осел за своим столиком. Хозяин в конце-концов заметил, что я куда-то делся, кликнул своих слуг и что-то им сказал. И, – о чудо, – одно слово в его тарабарской речи прозвучало очень знакомо. Он сказал «хань», сначала потыкав в мою сторону, а после указав куда-то вдаль.

И до меня, пусть и сраженного почти наповал желтоватым питьем «мин-дао-вао-ха», дошло! Да он же принял меня за ханьца, каковых здесь в городе весьма много (и они, эта ползучая чума, воистину, вездесущи!). И тот рыжий, кажется, назвал меня так же! Ведь мы с ханьцами, должно быть, для варваров на одно лицо, примерно как и они для нас. Хотя как меня можно спутать с выходцем из страны Хань? Ведь мы же совершенно не похожи! Разный цвет лица, разрез глаз, нос наконец! Даже рост!

Что последовало за всем этим, догадаться не трудно. Бережно подхватив под локти, слуги донесли меня – благо я был не в состоянии сопротивляться – до квартала, где обитали ханьцы. Постучались в первый попавшийся дом и сказав нечто наподобие «Забирайте вашего дедушку», вручили меня из рук в руки перепуганной молодой ханьской семье. Меня, совершенно уже не соображавшего, накормили лапшой и уложили спать. Вопросы домохозяев, что они задавали мне все утро, ни к чему не привели. Я не знал по-ханьски. Глава семьи отчаялся объясниться и попросил меня следовать за ним. Слов я не понял, но наша восточная вежливость везде одинакова, хоть в Ниппон, хоть в Чхон, хоть в Поднебесной Империи (это так ханьцы называют свою страну. Смешно!)).

Запись 5. «Старейшина местных ханьцев тоже не говорил по-ниппонски (я вежливо отвечал на все его вопросы «Вакаримасен»³²), но зато быстро нашел выход. Заметив с каким любопытством я рассматриваю изречения древних мудрецов, что украшали стены его жилища, он достал бумагу, тушь, две кисти и красивым почерком написал:

– А так уважаемый господин понимает меня?

Я с досады чуть не хлопнул себя по лбу! Да как же я сам не сообразил?! Ведь у нас хоть и разные языки, но письмо-то одинаковое! Торопливо схватив кисточку, я написал:

– Да, господин старейшина! Как прекрасно, что мы можем с вами общаться! Писчую науку я превзошел много десятилетий тому назад, в приснопамятный год Тигра, ибо мне, согласно семейной традиции, надлежало поступить секретарем при дворе великого вьетского императора Нгуэна Тэ.

Да я врал, и врал расчетливо. Во-первых мне нужно было соответствовать моему старческому облику, в котором и планировал здесь действовать (выдуманное имя у меня уже было наготове). Во-вторых я решил, что ни к чему сообщать кому бы то ни было, откуда я на самом

³² Не понимаю (яп.).

деле. Пусть уж лучше моей «родиной» будет маленький и дохлый Вьет, языка которого никто толком не знает. Эх, принципы Бусидо летели ко всем чертям...

Дальше я насочинял, как мне было ни стыдно, историю моего появления здесь. Дескать я вышел в отставку, и вот на старости лет решил попутешествовать, пожить на чужбине. Чудак, одним словом. Успел уже посетить Хань (что было неправдой), Чхон (а вот это полная правда) и Ниппон (ну, частично, это была правда, и заодно объясняло наличие у меня ниппонских денег), а теперь добрался сюда. В общем, «захотел вдали от дома уйти к Желтому Источнику»³³. Это было, пожалуй, единственное, что я знал из верований вьетов. Старейшина никак не прореагировал на это замечание, не поняв его, и я окончательно расслабился – разоблачение мне не грозит.

Старейшина Бао Чжан, благородная душа, поверил всем моим рассказам, и, поскольку я выразил желание найти себе какую-нибудь работу (ибо моих рё навечно хватить не могло), предложил с этим помочь. На вопрос, какого рода работа мне больше по душе, я решительно написал:

– Охрана!

Это была моя работа в Ниппон, так *что* я мог ответить ещё? То ли Чжан меня не так понял (иероглиф «охранять», можно прочесть и по другому), то ли подумал, что я вряд ли гожусь в охрану из-за моих лет. В общем, мне досталась работа козопаса – как я и просил, меня определили «охранником». пошёл я на нее, правда, не сразу. Для начала ханьцы обучили меня десяти расхожим фразам на языке варваров, дабы я мог хоть как-то изъясняться».

Запись 6. «Поселили меня в довольно скромном обиталище под названием «идзибуська», но зато находящемся в моем полном распоряжении. Я что мог переделал в нем. Окна завесил шелковыми шторами, расставил по всей комнате бумажные ширмы, выкинул стол, скамью и кровать, расстелив вместо них прекрасные циновки. Откуда я все это взял? У ханьцев, разумеется. Питаюсь теперь, как человек – рисом! Готовлю, правда, как и местные, на сложном сооружении под названием «песька». Но это ничего, можно приловчиться. Во дворике, где все сажают цветы или овощи, я как мог соорудил сад камней. Теперь у меня красиво, не стыдно было бы кому-нибудь показать из понимающих в этом толк. В общем, жизнь пошла замечательная.

Одно плохо – вставать приходится ни свет, ни заря. На работу. Козы мне попались зловредные. Все время разбегаются, не желая ходить строем, гадят где попало и объедают чужие посадки. Их двадцать штук – целый отряд. Но ещё хуже два вожака стада – старый рыжий козлик и его молодой подпевала, пегой масти. Этаким самураем при господине. Их я назвал по имени моих злейших врагов, оставшихся на родине. Старый теперь откликается на прозвище Паоси Гоки, а младший – Рицуса. За малейшую провинность я нещадно секу их хвостиком, представляя, что это настоящие Гоки и Рицу. Как-то раз Рицу подкрался ко мне, пока я кемарил на солнышке, и уплел мой вареный рис. Теперь я подумываю, а не душа ли ниппонца живет в нем?

От нечего делать я часами разговариваю с ними на родном языке, чтобы не отвыкнуть от него. И, что удивительно, кажется стадо начинает меня потихоньку понимать. По крайней мере, когда я говорю им «здравствуйте», они радостно мекают мне в ответ, а Гоки и Рицу приветственно машут хвостами. А когда я пою гимны в честь Аматаэрасу, козы стоят молча и слушают. Мне кажется, пару раз я заметил в их глазах слезы. Они либо растроганы божественным пением, либо жалеют меня.»

³³ Желтый источник – метафорическое обозначение загробного мира (вьет.).

Запись 7. «Козоводствовал я недолго. Увидев, как я расправляюсь с их козлами при помощи хворостины, хозяева живности отказались от моих услуг. Старейшина Чжан повздыхал-повздыхал, но уже на следующий день подыскал мне новое местечко, и, надо сказать, куда лучше прежнего. Теперь я должен был сторожить огороды местных варваров по ночам. Не по всему городу, разумеется, а как раз на той улочке, где я и живу. Очень удобно. Опять, можно сказать, «охранник».

Сторожу полагается кнут, чтобы иметь возможность отхлыстать хулиганов, ворующих овощи, и деревянная колотушка, чтобы я мог поднять тревогу. Колотушку я сразу забросил в самый дальний угол – какой истинный самурай будет звать на подмогу? Кнут же я решил попробовать, о чем в первый же день, точнее ночь, горько пожалел. Упрямая штуковина вместо того, чтобы лихо шелкать, как это получается у заправских пастухов, исхлестала меня самого, а под глазом появился синяк. Местные выпрашивали, что случилось (это я понял по их участливой интонации), пришлось опять врать:

– Приходири овоси крась.

Надеюсь, они поняли мое произношение. В общем, с этой поры кнут занял своё место рядом с колотушкой».

Запись 8. «Привыкаю к новой жизни. Утром до полудня отсыпаюсь, днем учусь у ханьских купцов языку варваров (рисую иероглиф – мне сообщают, как это звучит), ночью же... Нет, не сторожу. Оттачиваю работу с катаной и изучаю близлежащие кварталы. Совершенствуюсь изнутри и снаружи, так сказать. Объясню в чем дело. Долгое время на охраняемые мной огороды никто не покушался. А потом видимо хулиганы заприметили, что здесь охраны нет, и нагрянули. Сторожа стуком в колотушку отпугивают воров, я же ходил тихо, не привлекая ненужного внимания. Зачем сообщать врагу о своем приближении? Одним словом, у меня было тихо, и воры решили, что здесь никого. Молодые парни лет по 15—18, десять человек. Моего неожиданного появления они не испугались. Просто главарь приказал кому-то из подручных, и тот попер на меня. Вряд ли стал бить, как я уже говорил, здесь уважают старость. Скорее всего, просто прижал бы где в углу, чтоб не мешался под ногами. Я их разогнал, преимущественно пинками да мечом, который не стал вынимать из ножен. Убегая, наглецы кричали мне какие-то угрозы.

Смысл угроз прояснился на следующую же ночь. Они пришли отомстить. С цепями, палками, все как положено. Я бы мог сделать все, как и вчера, отпинав каждого лично. Но нет. Стоило только призадуматься, а против кого это они вышли воевать такой толпой и при оружии? Против дряхлого старика (ведь я выглядел именно так)! И я не стал жалеть подонков. Нет, я никого не убил, хотя и покалечил. Несколько сломанных рук, ног и ребер, синяки и вовсе не в счет. Связав их крепче их же собственными цепями (излишняя, впрочем предосторожность, учитывая их состояние), сбегал за колотушкой и лишь тогда поднял тревогу. Зачем? Ну, должен же был кто-нибудь куда-нибудь их забрать. Жильцы с нашей улицы были в восторге от ловкости, выказанной таким старичком, как я.

После этого случая довольствие мне повысили, а желающих шастать на моих огородах больше не появилось. Слухи сделали своё дело. Хулиганов было десять, но молва преувеличила их число до небольшого до зубов вооруженного отряда. У остальных сторожей, с которыми я мало-помалу сдружился на почве общей работы, я хожу в героях.

Поскольку опасностей больше не предвиделось, я начал отдавать свободное ночью время двум вещам: отработке боя катаной, и исследованию окрестностей, постепенно отдаляясь все дальше от вверенной мне улицы. Надо же, в конце-концов, изучить местность, где мне предстоит совершить свой подвиг! Тренировки и вылазки я чередую: ночь – одно, ночь – другое».

Запись 9. «Сегодня я наткнулся на какую-то небольшую железную решетку, расположенную на краю улицы. Она прикрывала яму, в которой отчетливо слышался звук текущей воды. Впоследствии оказалось, что такие решетки разбросаны по всему городу. Поддавшись любопытству, я поднял ничем не закрепленную тяжелую преграду и обнаружил на отвесной стене, уходящего вниз хода, железные скобы. Это была лестница. Ничего не оставалось делать, как продолжить своё исследование – и я полез. Лаз привел меня в сводчатую камеру из которой вел длинный переход в следующую совершенно такую же камеру, с ходом наверх, забранной решеткой. На полу, где в засоренном желобе, а где и прямо так, текли ручьи, одни полные каких-то крайне вонючих отходов, другие чистые. Я наткнулся на подземный водоотвод, шедший едва ли не под всем городом. Удивительное инженерное решение!»

Запись 10. «Найденный мною подземный лаз мне в конце-концов пригодился. Случилось это так. Недавно я работал с мечом и так увлекся, что и сам не заметил, как впал в состояние усигамоти³⁴. Когда пелена спала с моих глаз, я ужаснулся тому, что натворил. Тренировки я провожу подальше от чужих глаз – на огородах. Вот одному из них, что сегодня служил мне в качестве татами, и не повезло. Он был полностью разорен! Росшую на нем капусту я покромсал в лапшу, а что не смог изрубить – втоптал в землю. Что мне было делать теперь? В Ниппон за такую выходку, позорящую честное имя самурая, нерадивому охраннику полагалось сделать харакири, чтобы избежать постыдной казни. Здесь же мне, наверное, не сделали ничего, особенно если соврать, что это опять напали огородные воришки. А ещё лучше если предъявить их. Но где взять? И я вспомнил своих братьев по ремеслу, ночных сторожей. Помнится, ближайший из них, дед Бо-Го-Яр, жаловался на одолевшее ворье. Он выразился весьма недвусмысленно: «сасем оборозери» (или как-то так).

Добравшись до него, я предложил избавить охраняемые им огороды от вредителей, если он взамен отдаст «добычу» мне. Бо-Го-Яр согласился, памятуя мои успехи. Шестеро нагнецов были изловлены примерно через час, связаны и поколочены Бо-Го-Яром, а потом, ближе к утру, переташены при его помощи на мой участок. Старик восхищенно пыхтел за моей спиной:

– Ну, ты, Хотя (я назвался вымышленным именем Хонг Тхэй, похожее на вьетское, и слегка напоминающее мое собственное; варвары же его изувечили как смогли) и даешь! На вид тебе сто годков, а дерешься, как вьюнош.

Кто такой этот таинственный «вьюнош» я уточнять не стал. Должно быть, какой-то ловкий варварский полубог. Но к чему мне подробности местных верований? Хулиганы были так напуганы случившимся, что при строгом расспросе, учиненном хозяевами разоренного мной огорода, взяли на свой счет и эту вину. Им вlepили по месяцу исправительных работ, а мне вышло очередное повышение оплаты.

Чтобы больше так не рисковать, спущусь-ка я в те катакомбы под городом. Там нет риска случайно убить кого-нибудь постороннего, и можно не опасаться, что тебя заметят. То, что здесь темно, мне не мешает. Наоборот, это очень хорошо! Во-первых, в темноте гораздо лучше сосредотачиваться на «пути воина». А во-вторых надо же учиться бою с закрытыми глазами, чтобы развивался ещё и слух. Мой сэнсей Яоцицуками не единожды рассказывал, что только используя слух можно биться с любым числом противников».

Запись 12. «Снова сел за бумагу и тушь после очень долгого перерыва. Писать было не о чем. Всякие мелкие бытовые подробности моего здесь пребывания вряд ли заслужат благосклонность читателя. Да и сам я вскоре освоился настолько, что перестал обращать внима-

³⁴ Такого слова нет, но пусть оно обозначает боевое безумие, состояние берсерка.

ние на разницу между нашими культурами. Я написал «культурами»? Что ж, и за варварами надо признать некоторое её наличие.

Я было описал свой путь сюда и кое-что из того, что случилось здесь, в Синь-Бао-Го-Ро-Си-Ко. Потом забросил писательское ремесло, и даже какое-то время думал, что потерял свой дневник, но нет. Как-то раз, в пору душевного отчаяния, я снова отыскал его, и вписал туда маленькую историю своей любви, что повлекла за собой все последующие события. Теперь я снова взял себя в руки и могу писать дальше. О, Митикоси, Митикоси... Ждешь ли, надеешься ли, что твой Хатэтуримо вернется живым и с Зеркалом в придачу?

Перечитав написанное, я вырвал тот лист и поместил его первым в своей тетради – пусть с него все и начинается.

Снова сев за записи ты словно уносишься мыслями в прошлое...

Но я отвлекся. И так, с момента моего отбытия из Ниппон минуло уже три года. Три долгих, бесконечно долгих года. Я высчитал это приблизительно, ибо на самом деле точного времени не знаю, сбившись со счета дней ещё в пути, когда меня свалила лихорадка. Здешние времена года и местное летоисчисление, столь не похожие на наши, не дают мне возможности толком определить, какой сегодня день и даже месяц. Сейчас, кажется осень. По крайней мере, так утверждают варвары. Что ж, пусть *это* – будет осень.

Я здесь, в этой таинственной стране, что наши географы очень неуверенно чертят на своих картах, и тысячи тысяч ри³⁵, отделяющие меня от родины, уже меня не пугают. Если бы меня вдруг схватили и стали пытаться (это я так, фантазирую), я с радостью бы умер за Отчизну, постаравшись скрыть от варваров существование могущественной Ниппон, но, как выяснилось, они и так неплохо о нас осведомлены, называя нашу страну «Заханьскими островами». То есть, мы для них всего лишь какие-то жалкие острова, расположенные за Империей Хань. И увы, на эти острова им глубоко плевать...

Я неплохо изучил варварский язык (по крайней мере они меня понимают; вот несколько примеров из него для тебя, любознательный читатель: «*горова*» – верхняя часть туловища, «*саро*» – толстая прослойка у животного свинья, «*розька*» – приспособление для еды, заменяющее палочки, «*мудзчина*» – человек, «*дедюська*» – уважаемый господин), в совершенстве овладел катаной, куда лучше, чем до моего приезда сюда. Но я ни на лисий шаг, ни на ничтожный сун³⁶ не приблизился к моей цели. Да, я теперь почтенный сторож – «дедушка Хотя», так меня называют. Но разве это открывает мне дорогу во дворец (сарай, по сравнению с Коралловыми Покоями нашего Императора) князя Во-Ро-Да-Ря (ещё одно трудное имя), где хранится наша святыня? Нет, не открывает. И я, как говорят варвары «*сидзю у радзбитого корита*». Печально это признавать, но это так и есть.

Зачем, о Амагэрасу, этот ничтожный Ису, подлый узурпатор Жемчужного Престола, решил обратить свой взор сюда, на северо-запад? Зачем он, червь кольчатый, додумался подарить варварам наше Нефритовое Зеркало? Ради военного союза? Но варвары живут так далеко, что даже если бы и захотели помочь Ису, то они опоздали бы со своими войсками почти на год. Ибо три с лишним месяца шла бы просьба о помощи, полгода дикари решали бы идти или нет, и ещё три месяца добирались до нас. Я так думаю, здешний правитель давно и думать забыл о каком-то там Ису, и уж тем более не знает, что мерзавец давно свержен и четвертован.

Я пару раз видел издали князя Во-Ро-Да-Ря, когда он совершал свой церемониальный выезд (отмечу, не очень пышный). Весьма неприятный на вид господин. Тучный, злой лицом и гневливый взором. Безобразная родинка на его левой щеке сказала мне, что сей правитель умрет не своей смертью. Что ж, я думаю, мало кто будет по нему плакать. Все его ругают,

³⁵ 1 ри = 1,927 км (яп.).

³⁶ 1 сун = 3,03 см (яп.).

и я присоединяю свой голос к ним, ибо он имеет наглость считать себя повелителем чуть ли не всего мира, хотя и владеет-то всего-навсего одной шестой частью суши!

По пути сюда я понапридумывал массу способов, как вырвать наше сокровище из волосатых рук варваров, но ни один из них здесь не годится. Если бы моя честь позволяла, я бы, подобно нашим извечным врагам из клана синоби³⁷, пробрался в уборную яму, просидел там сколько нужно, а потом пронзил их князя в самое уязвимое место и... Дальше я не знаю, что нужно было бы делать. Но, слава Аматаэрасу, я лишен такой возможности, ибо в кодексе Бусидо подобные методы считаются постыдными...»

Запись 13. «Я человек не суеверный, и обычно полагаюсь, как и положено самураю, прежде всего на свою верную катану. Но, чего греха таить, я все больше начинаю уподобляться женщинам, что верят в сны, приметы, и по поводу каждого чиха бегут к гадалке. Я же ворожу сам себе на палочках. Больше совета спросить не у кого, ибо, как гласит местная пословица: «До Богов высёко, до Государя дареко». Загадываю на них одно и то же, то так, то этак задавая свой вопрос. Палочки отвечают туманно. Мне теперь кажется, что я просто не так спрашивал. Сегодня я задал вопрос по другому, не как прежде. Я спрашивал: «Как мне добыть...», «Как мне попасть...». И вот я спросил: «Кто мне смог бы помочь?», признав, что надеюсь только на себя, я свершаю тем самым неслыханную глупость.

И палочки впервые ответили недвусмысленно: «Ещё не наступит час тигра³⁸, как ты найдешь его!»! Стоит ли говорить, что весь день я был, как здесь выражаются, «сровно на игорках»?! Я бесцельно ходил по городу, обуреваемый всевозможными мыслями, и заглядывая в глаза каждому встречному, с одним вопросом в душе: «не он ли?» Я ожидал какого-то чудесного события, вмешательства небес, но нет. Все было как обычно, кто-то спешил по своим делам, что-то продавали, что-то строили. Кто же он, мой таинственный помощник? Мужчина, женщина, воин, боярин? Или, может, вон тот кузнец? Стар он или же молод? Может, вообще, мальчишка?

Последнее предположение я сделал, налетев на ребятню, что играла в какую-то странную забаву «го-ро-дао-ки», кидаясь палками. Но глянув на их беззаботные лица, я не стал им мешать своим присутствием. Вряд ли он – кто-то из них. Я продолжал искать, а час тигра все приближался...

Когда день окончился и улицы опустели, я вернулся домой, и теперь сижу, делаю эту запись. Скоро пора выходить на работу, сторожить свои несчастные огороды. Хотя зачем, ведь и так ни одна живая душа не сунется ночью на мой участок? Тогда пойду, потренируюсь. После серии удачных ударов катаной обычно проясняется в голове. Э-э, я имею ввиду ударов по невидимому противнику. Ну, все, пойду. Час быка³⁹ вот-вот наступит...»

Запись 14. «Это свершилось!!! Сейчас отдышусь, и расскажу обо всем по порядку. Добравшись до нужной решетки, я привычно огляделся – не видит ли кто? – и лишь после этого спустился в лаз. Выйдя в просторный «зал», где я давно уже свободно орудовал катаной не задевая стен, я сделал сто восемь глубоких вдохов и начал серию ударов. Досада на то, что обещанный помощник так и не появился, медленно покидала мой разум. Сердце мерно отчитывало удары. Движения становились все плавней, все бесшумней. Слух мой явно обострился, занятия не прошли даром, ибо среди слабого свиста, издаваемого катаной, я вдруг отчетливо услышал, как кто-то прочитал не по-ниппонски, варварски коверкая строку и внутренний ритм, но ХАЙКУ! Настоящее хайку! Голос звучал надрывно, словно человек прощался с жизнью.

³⁷ Ниндзя.

³⁸ Три часа ночи.

³⁹ Время с часу ночи до трех.

Такое бывает и у нас, когда кто-то, решившись уйти из жизни, перед тем как сделать сеппуку, читает строки, в которых хотел выразить своё отношение к миру, или коротко, в трех строках, поведать о своем прожитом пути. В Ниппон я не стал бы удерживать его от такого, несомненно, обдуманного шага, но здесь, среди варваров, откуда взяться подобному поступку?! Нет, здесь было что-то другое! Это призыв о помощи! Крикнув: «Держитесь, господин!», я перехватил катану поудобнее и, разбрызгивая ногами вонючие потоки, поспешил на помощь!

Первое, что я увидел, влетев в очередной поворот подземного хода, были тысячи красных огоньков. «Глаза», догадался я и, отметив, где стоит тот, кого я торопился спасти, принялся действовать. Не буду преувеличивать, далеко не всегда я попадал по мелкому увертливому врагу, много раз доставалось то стенам и потолку, расцветивающимся фонтанами искр, то полу, отчего во все стороны разлеталась тухлая жижа. Настоящая бидзеновская⁴⁰ сталь выдержала все! Спасибо тебе, отец!

Это, наверное, были крысы. По крайней мере, я предпочитаю так думать. Хотя, разве бывают в природе *такие* крысы? Здоровенные и с колючками! Тысячу раз я взмахнул катаной, далеко не всегда полагаясь на глаза. Вот где мне пригодились мои тренировки в темноте! Тварей, прыгающих на спину, я ловко прокалывал насквозь, даже не оборачиваясь. Всех крыс перебить не удалось. Устрашенные гибелью большей части их стаи, твари разбежались так быстро, что я даже и глазом не успел моргнуть. Одна ещё металась между мной и моим защитным, и я кинулся к ней с твердым намерением добить, но меня остановил окрик:

– Не трогайте мою собачку, мил человек!

Это был одноногий старик. Он тяжело дышал, привалившись к осклизлой стене, подсвеченной несколькими свечками. Разглядев мою жидкую накладную бороду и седые волосы, он уважительно сказал:

– Ого, а вы, как я посмотрю тоже далеко не молоды.

Я поклонился и представился:

– Меня зовут Хонг Тхэй.

– А я... – старик назвал своё ужасно непроизносимое имя, и я, будучи не в силах воспроизвести его в точности, буду отныне именовать его Яо. Тем более, что он чем-то очень похож на моего старого сенсея.

– Ловкости вам не занимать, – сказал Яо, и увы, я не мог признаться, что гожусь ему во внуки. – На меня тоже, бывает, когда накатит что-то, так кое-чего могу, но таких коленец мне не отколоть, да ещё с мечом...

– Все дело в особой ханьской зарядке «ци-гун», – соврал несчастный я. – Да ещё красный корень, «шень-жень», помогает.

– А-а, красный корень! – лукаво улыбнулся старик. – Как же, слышал! Надо будет попробовать как-нибудь...

И стал оседать в обмороке. Одним махом вогнав катану в ножны, я успел подхватить Яо и водрузить старика у себя на плечах. Его сумку я повесил на шею, палочку сунул за пояс, свистнул собачке, чтобы шла следом, и, бережно удерживая свою ношу, побрел к ближайшему лазу, ведшему на волю, аккуратно переступая через мертвых грызунов. Тушить свечи я не стал, пусть догорают...

До дома добрались без происшествий. Пока старик спит, я пишу эти строки. А сейчас надо пойти во двор, а то что-то на душе неспокойно...»

⁴⁰ Бидзен – провинция в Японии, где производилось оружие.

ГЛАВА 5

Провор выходил из корчмы, где обычно засиживался далеко за полночь, когда его вдруг окликнули со стороны улицы. Незаметным движением взявшись за «перо», спрятанное в рукаве, он неспешно обернулся на зов. Зря волновался. Перед ним сияла румяная и усатая рожа одного из подкупленного им давеча начальников стражи у каких-то ворот. Западных, что ли? А, какая разница!

Десятник был изрядно пьян, гуляя, несомненно, на полученные днем гривенки.

– Чего тебе? – деловито спросил ловчила, стрельнув по сторонам. Совершенно ни к чему, чтобы их видели вместе чьи-нибудь не те глаза.

Усач покачнулся, обдал Провора перегарищем, икнул, и только после этого выдал:

– Насчет того деда с одной ногой!

Провор вздохнул. Птичка уже давно поймана, а этот пьянчуга лезет с протухшими от старости новостями. Небось, на дополнительную подачку рассчитывает, хмырь. Вояка повторил все сначала. Покачнулся, дыхнул перегаром, икнул, изрек:

– Только что его, ик, видел!

И Провор сразу ему поверил. Чутье, наверно.

– Видел. Но, поскольку был один и не при исполнении, то задержание проводить не стал. – Глаза у десятника вдруг как-то столь сильно разбежались в стороны, что ловчила испугался, что тот сейчас отключится. Но нет, усилием воли совладав с непослушным зрением, вояка продолжил: – Да к тому же он, ик, не один был, а с другим каким-то старичком. Он его, ну, одноногого, поддерживал. Надрызгались, должно быть, козлы старые...

«Кто бы говорил!» – чуть не рявкнул ему в лицо Провор, но сдержался. Его прямо таки трясло от предвкушения охоты, он уже, как борзая, взял след. Но и другая мысль мелькнула в его голове: кто знает, возможно за такую работу последует и отличие. Новое *посвящение*, скажем...

– А ещё при нем шавчонка какая-то была, – вспомнил усач, чем окончательно рассеял недоверие Провора.

Дед никак не мог попасть ему на глаза раньше днем, до Западных ворот одноногий не добрался, это ж на другом конце города. Стало быть собачку десятник так же не видел, но раз говорит о ней, значит все это правда. Видать, ушел старикан от дружинничков-то. Ну да, на ловца, как говорится, и зверь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.